

Ограничение второй позиции в сочинительных конструкциях: вклад северных русских говоров в теорию и типологию

© 2025

Игорь Игоревич Исаев

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; isaev@iling-ran.ru

Андрей Владимирович Сидельцев

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; acidelcev@iling-ran.ru

Аннотация: В статье рассматривается синтаксис сочинительного союза *да* в северных русских говорах на типологическом фоне и предлагается единое объяснение его разнообразным моделям употребления (проклитическое при втором конъюнкте, энклитическое при первом или втором конъюнкте, удвоенное употребление при втором конъюнкте) в формальных моделях языка. Мы показываем, что данные северных русских говоров представляют собой важный материал для понимания ограничения второй позиции в языках мира. В частности, они демонстрируют типологически крайне редкий случай варьирования двух реализаций одного постсинтаксического механизма — редупликации и метатезы.

Ключевые слова: диалектология, клитики, порядок слов, русский язык, севернорусские диалекты, синтаксис, сочинение, союзы, формальный синтаксис

Благодарности: Исследование А. В. Сидельцева выполнено в рамках проекта РНФ № 24-18-00199 «Структура клаузы и позиционные феномены в языках SOV», реализуемого в Институте языкознания РАН. Мы искренне благодарим В. И. Подлесскую, Т. Е. Янко, А. В. Циммерлинга, а также двух анонимных рецензентов, которые внимательно прочитали работу и внесли множество ценных замечаний и предложений, которые мы с благодарностью учли. Разумеется, все остающиеся возможные неточности анализа остаются исключительно ответственностью авторов.

Для цитирования: Исаев И. И., Сидельцев А. В. Ограничение второй позиции в сочинительных конструкциях: вклад северных русских говоров в теорию и типологию. *Вопросы языкознания*, 2025, 3: 62–105.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.3.62-105

The second position constraint in coordinate structures: North Russian dialectal data in theory and typology

Igor I. Isaev

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; isaev@iling-ran.ru

Andrei V. Sideltsev

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; acidelcev@iling-ran.ru

Abstract: The paper deals with the syntax of the conjunction *da* in North Russian dialects in a cross-linguistic perspective and offers a unitary account of its various usages (proclitic, enclitic as well as reduplication) in the formal framework. The paper demonstrates that dialectal data provides intriguing

evidence for understanding the second position constraint. Namely, it features cross-linguistically rare variation of reduplication and metathesis as two realizations of the same post-syntactic process.

Keywords: clitics, conjunctions, coordination, dialectology, formal syntax, North Russian, Russian, syntax, word order

Acknowledgements: The research of A. Sideltsev was supported by RSF project No. 24-18-00199 “Clause structure and positional phenomena in SOV languages”, carried out at the Institute of Linguistics (RAS). We heartily thank V. I. Podlesskaja, T. E. Yanko, and A. V. Zimmerling as well as two anonymous reviewers for carefully reading the paper and making many valuable comments and suggestions that improved it. Naturally, the authors remain responsible for any erroneous fact or interpretation that may remain.

For citation: Isaev I. I., Sideltsev A. V. The second position constraint in coordinate structures: North Russian dialectal data in theory and typology. *Voprosy Jazykoznanija*, 2025, 3: 62–105.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.3.62-105

1. Вводные замечания

Ограничение второй позиции с описательной точки зрения касается тех элементов, которые, вне зависимости от их синтаксической функции и семантики, располагаются в фиксированной позиции в клаузе — после первого элемента. Наиболее частотные элементы второй позиции — клитики. Ограничение второй позиции является одной из наиболее исследованных синтаксических тем. При этом именно сочинительные конструкции не всегда находятся в фокусе внимания при рассмотрении ограничения второй позиции как в формальных моделях языка, так и в типологических исследованиях. Часто из рассмотрения при обсуждении второй позиции эксплицитно исключаются клитические сочинительные союзы, как, например, в работах на русском и, шире, славянском материале [Зализняк 2008; Циммерлинг 2013]¹. Нам представляется, однако, что учет свойств сочинительных союзов весьма значим для понимания ограничения второй позиции.

В данной статье мы рассмотрим сочинительный союз *да* в северных говорах русского языка, который является клитикой, причем демонстрирующей в ряде контекстов ограничение второй позиции (т. е. клитика не может быть первой в некотором фрагменте высказывания). Выбор такого материала определяется тем, что современный литературный русский язык и тем более его диалекты не учитываются даже в литературе по второй позиции в славянских языках [Franks, King 2000; Циммерлинг 2013], не говоря уже о типологии второй позиции в языках мира, см., например, [Weisser 2024]. При этом мы покажем, что данные северных русских диалектов не просто таксономически подпадают под явления второй позиции, но и вносят существенный вклад в понимание ограничения второй позиции и могут быть полностью осмыслены только в типологической перспективе, за пределами литературного языка.

Мы будем подробно анализировать лишь один из типов употребления сочинительного союза *да* в северных говорах русского языка, а именно единичное *да* при двух конъюнктах². Такое ограничение материала оправдано тем, что эти конструкции находятся в центре внимания в формальных представлениях сочинительных конструкций. Именно в этой перспективе мы и будем рассматривать диалектные употребления *да*. Для более широкой перспективы мы введем также типологический фон для сочинительных конструкций. Крайне важно при этом оговорить, что в этих говорах засвидетельствованы и бинарные (при каждом из двух конъюнктов), и серийные (при каждом из нескольких конъюнктов)

¹ Хотя существуют и исключения, например, [Hale 1996; Weisser 2020; 2022; 2024; Aremu, Weisser 2024]. В [Weisser 2024] даже предлагается рассматривать именно сочинительные конструкции в качестве прототипических контекстов с ограничением второй позиции.

² При этом мы не накладывали ограничений на объем сочиненных конъюнктов — в нашем корпусе это могут быть именные группы, глагольные группы, а также клаузы.

употребления сочинительных союзов. По всей видимости, сосуществование бинарных и серийных употреблений сочинительных союзов представляет собой одну из типологических фреквенталий для сочинительных конструкций [Stassen 2000; Haspelmath 2007]. Хотя подобные употребления и не являются предметом рассмотрения в статье, в ряде случаев при начальной таксономизации материала и при просодическом анализе данные как бинарных, так и серийных конструкций представляют собой значимый фон и будут как таковой привлекаться.

Материалом для статьи послужили данные вологодского диалекта. Именно этот диалект был выбран по двум причинам. Он является характерным представителем северных говоров русского языка, которые, согласно существующей литературе [Шапиро 1953; Гецова 1999; Маховая 2022], содержат значимый материал по ограничениям второй позиции. При этом объектом изучения всегда был другой диалект северных русских говоров — архангельский. Непосредственно вологодский диалект никогда не служил основой специального исследования в данном отношении.

В нашей работе данные вологодского диалекта взяты из двух независимых источников.

Во-первых, мы использовали материал вологодского диалектного подкорпуса НКРЯ. При сортировке по лексемам мы получили 162 вхождения *да*, размеченных как союз, и 87 употреблений *да*, отнесенных к частицам — в соответствии с традицией, восходящей к [Шапиро 1953]. При этом в этих двух группах 19 контекстов дублировались. Таким образом, мы работали с 230 контекстами, содержащими конструкции с *да*. При анализе было выделено 9 неясных контекстов (без предыдущего контекста) и 33 несочинительных контекста, что оставило для анализа 188 контекстов с сочинительным *да*. Отбор данного материала определяется его доступностью и высоким уровнем предварительной подготовки. Важно также подчеркнуть, что данный подкорпус традиционно составлен исключительно по полевым записям диалектологов и не включает аудиофайлы.

Во-вторых, привлекались записи диалектного материала, собранные И. И. Исаевым. Для создания звучащего корпуса использованы следующие записи:

- записи продолжительностью 1 ч. 11 мин., сделанные в 2011 г. в Великодворском поселении (д. Княжиха) Тотемского р-на Вологодской обл. от информантки 1931 г. р., 4 класса образования;
- записи продолжительностью 36 мин., сделанные в 2022 г. в д. Маньловский Погост Тотемского р-на Вологодской обл. от информантки 1963 г. р., образование среднее специальное;
- записи продолжительностью 47 мин., сделанные в 2012 г. в д. Михайловская Тарногского р-на Вологодской обл. от информантки 1929 г. р., 4 класса образования;
- записи продолжительностью 1 ч. 30 мин., сделанные в 2003 г. в д. Арзубиха Слободского сельсовета Харовского р-на Вологодской обл. от информанток 1931 и 1925 г. р., образование начальное.

Речь представленных информантов является стандартной для архаичного слоя говора. Выборка осуществлена на достаточно большом корпусе записей из десятков респондентов по критерию наилучшей представительности. При этом определяющим был не год рождения, а сохранность архаичных черт диалекта, которая не прямо соотносится с возрастом. Материал показывает, что эти информанты наилучшим образом представляют исследуемые явления, в остальных многочисленных экспедиционных записях искомые примеры встречаются крайне редко или отсутствуют. Все материалы относятся к вологодской группе говоров северного наречия русского языка по диалектному членению 1964 г. После обработки материалов было выделено 88 контекстов с *да*, удовлетворяющих условиям исследования.

Использование двух независимо собранных массивов данных гарантирует более объективный охват материала. Если первый подкорпус представляет собой стандартный

письменный корпус, то собранный И. И. Исаевым второй подкорпус является устным, что особенно важно для исследуемого материала, который включает чувствительные к просодии явления.

Структура статьи такова. В разделе 1.1 мы кратко опишем синтаксис сочинительных союзов, а в разделе 1.2 рассмотрим их просодические свойства в северных русских говорах, что позволит нам определить область клитизации союзов, а также их тип — являются ли они энклитиками или проклитиками. Раздел 1.3 будет посвящен первой позиции для энклитического союза *да*. Раздел 2 содержит описание сочинительных конструкций в вологодском диалекте, в разделе 3 мы введем типологический фон для сочинительного союза *да* в северных диалектах, в разделе 4 рассмотрим представление сочинительной конструкции $[X=da] [Y]$ в формальных моделях, а в разделе 5 — деривацию энклитических и проклитических вариантов сочинительного союза. В разделе 6 мы представим данные по удвоенному союзу *да*, а в разделе 7 рассмотрим удвоенный союз *да* в формальных моделях языка. В разделе 8 мы обсудим некоторые потенциально проблемные аспекты анализа, в частности, сосуществование конструкций $[[X] [Y=da]]$ и $[[X] [da=Y=da]]$. Раздел 8.2 будет посвящен редупликации как механизму реализации ограничения второй позиции. В разделе 9 *да* сопоставляется с другими клитиками в северных русских диалектах. Статью завершает заключение.

1.1. Синтаксис сочинительных союзов

Начнем наше рассмотрение с синтаксиса сочинительных конструкций с одним сочинительным союзом³. Как представляется, универсалией является то, что в синтаксисе два конъюнкта соединяются сочинительным союзом в виде структуры $X \& Y$, где $\&$ обозначает любой сочинительный союз, X — первый конъюнкт, а Y — второй конъюнкт [Stassen 2000; Haspelmath 2007; Zhang 2010; Weisser 2024]. При этом в конкретных языках сочинительный союз образует составляющую либо с первым, либо со вторым конъюнктом со следующими потенциально возможными вариантами (где квадратные скобки маркируют границы составляющей):

- (1) а. $[X \&] [Y]$
 б. $[X] [\& Y]$

В случае, если сочинительный союз — клитика, непосредственно наблюдаемая его дистрибуция будет следующей. Если это энклитика, то мы ожидаем увидеть варианты:

- (2) а. $[X \&] [Y] \rightarrow [X=\&] [Y]$
 б. $[X] [\& Y] \rightarrow [X] [Y=\&]$ ⁴

Если сочинительный союз — проклитика, мы ожидаем увидеть такие варианты:

³ При анализе конкретных примеров мы ориентируемся на стандартные критерии сочинительных конструкций — функциональная эквивалентность конъюнктов и их синтаксический параллелизм и однородность, см., например, [Dik 1997: 189]. На практике это означает, что обычно сочиняются составляющие одного уровня (именные группы с именными группами или клаузы с клаузами в наиболее частотном случае). Не сочиняются зависимая и матричная клаузы. Между конъюнктами существует семантический параллелизм. Для сочинения характерно сочинительное сокращение во втором и т. д. конъюнкте.

⁴ Знак = здесь и далее означает клитизацию энклитики к предыдущему слову и клитизацию проклитики к последующему слову, знак \rightarrow обозначает преобразование исходного синтаксического распределения (в рассматриваемом материале это всегда постсинтаксическое преобразование).

(3) а. $[X \&] [Y] \rightarrow *[\&=X] [Y]$

б. $[X] [\& Y] \rightarrow [X] [\&=Y]$

Из всех этих вариантов лишь $*[\&=X] [Y]$ не представлен в языках мира [Stassen 2000; Haspelmath 2007].

Как мы уже отметили, в (1a–b), а также в левой части (2a–b) и (3a–b) мы обозначаем при помощи квадратных скобок границы составляющих. В правой части (2a–b) и (3a–b) границы одной составляющей (первой в (2a) и (3a) и второй в (2b) и (3b)) являются одновременно границами области клитизации для клитического сочинительного союза. Вслед за обширной литературой по второй позиции, мы определяем область клитизации как тот фрагмент клаузы или сложного предложения, внутри которого клитика определяет свою позицию [Anderson 2005: 145] — вторую, если это энклитика. В подавляющем большинстве случаев для специальных клитик⁵ область клитизации будет совпадать с некоторой синтаксической составляющей, чаще всего для клитик второй позиции предполагается, что такими областями являются CP или DP [Ibid.]. В случае с сочинительными союзами область клитизации составляет один из конъюнктов. Поскольку входить в состав сочинительных конструкций могут единицы разного уровня, то конъюнкты могут быть представлены клаузами, именными и глагольными группами и т. п.

1.2. Просодия

У области клитизации есть и просодическая характеристика — синтаксическая составляющая, которая составляет область клитизации, одновременно является и интонационной группой⁶.

При анализе просодического аспекта области клитизации прежде всего рассмотрим принципы сегментации и интерпретации клитик в условиях русской северной диалектной просодии. Существуют объективные проблемы при анализе данного материала. Практически полное отсутствие качественной редукции гласных затрудняет определение границ фонетического слова на слух. В связи с этим главная сложность интерпретации данных заключается в определении типа клитики: проклитика или энклитика перед нами. Напомним, что в случае проклитики ее фонетический хозяин располагается справа от клитики, а в случае энклитики — слева от нее.

Что касается выделения базовой для области клитизации интонационной группы по просодическим свойствам, то ее индикаторами обычно считаются интонационный контур и паузы. Паузы (прерывание речи) не являются единственным и достаточным средством членения спонтанной речи на интонационные группы. Семантическая и грамматическая интерпретация пауз представляет собой сложную задачу, которая не всегда опирается на лингвистические закономерности. Достаточным и доказательным инструментом членения на интонационные группы в большинстве случаев является движение частоты основного тона (pitch) в рамках клаузы. Следовательно, интонационная группа здесь понимается как некоторая сегментная последовательность звуков речи, объединенная единым интонационным контуром.

⁵ Т. е. клитик, позиция которых отличается от позиции полноударного слова с той же, что и у клитики, синтаксической функцией [Klavans 1995; Anderson 2005].

⁶ Между интонационной группой и синтаксической составляющей существует далеко идущий изоморфизм (интонационная группа в общем случае тождественна синтаксической составляющей), которому посвящена огромная литература, см., например, [Selkirk 2011; Büring 2013], хотя этот изоморфизм не является тождеством, и в ряде случаев нарушается. Мы рассмотрим такие случаи ниже.

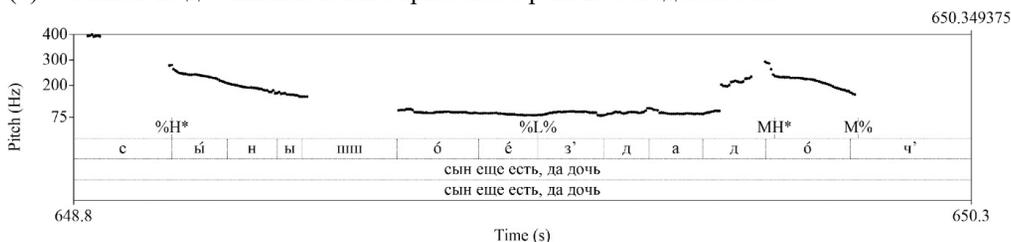
В нашем материале отмечены три варианта оформления интонационных групп с клитикой *да*. В первом клауза-конъюнкт, равная интонационной группе, оформлена паузами по обеим границам, клитика находится на границе перед паузой (если это энклитика) или после паузы (если это проклитика). Во втором варианте паузы отсутствуют, но клаузы-конъюнкты (соответствующие интонационным группам) оформлены контрастными контурами и хорошо разделяются. В третьем случае клитика находится на границе неконтрастных частей контура (тон ровный на обеих частях или продолжается, например, общая деκлинация) и однозначные границы интонационных групп провести крайне сложно. Рассмотрим эти три случая более подробно.

1.2.1. Клитика находится на границе интонационного контура

В наиболее простых случаях клитика находится внутри интонационной группы, границы которой определяются одновременно единым интонационным контуром и паузами. В таких случаях клитика располагается на границе интонационного контура и отделена паузой от соседнего сегмента. Примеры такого типа легко разделяются на составные интонационные группы, которые соответствуют синтаксическим единицам (конъюнктам), выраженным клаузами, либо именными или глагольными группами.

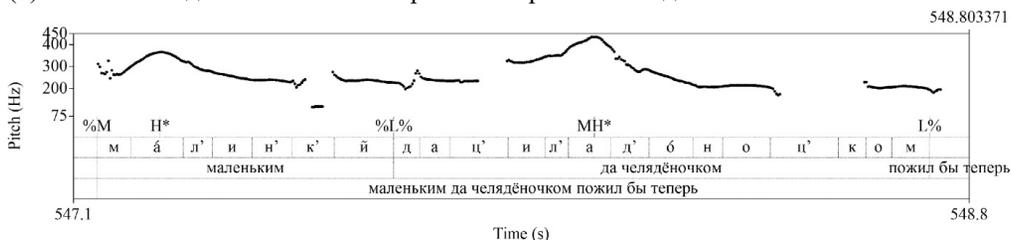
Рассмотрим первой проклитику в позиции *#да*:

(4) Запись из д. Михайловская Тарногского р-на Вологодской обл.

Здесь мы имеем сочетание двух контуров $\%LMH^*L\%$, которые в данном контексте не могли быть реализованы полностью по причинам сегментного характера. В первом контуре отсутствует подъем тона от паузы к высокому тону через средний ($\%MH^*$) из-за позиции глухого шумного в абсолютном начале фонетического слова. Во втором контуре как раз есть фаза подъема MH^* , но отсутствует постцентровое падение до уровня L из-за глухого шумного в позиции абсолютного конца слова. Прототипические контуры выглядят так:

(5) Запись из д. Михайловская Тарногского р-на Вологодской обл.

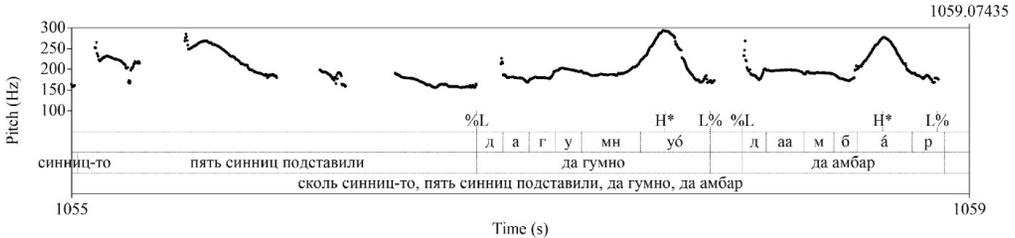

Пограничным сигналом в обоих случаях служит постепенный предцентровый подъем тона (или же более высокий уровень тона) на клитике *#да*, что характеризует ее как проклитику. Следует признать, что межклаузный тоновый контраст в случае контактного расположения клауз очень слабый, что, вероятно, могло в ряде случаев заставить тех

исследователей, которые фиксировали диалектную речь в письменной форме без аудио-записей⁷ сегментировать *да* по-разному — то как *#да*, то как *да#*.

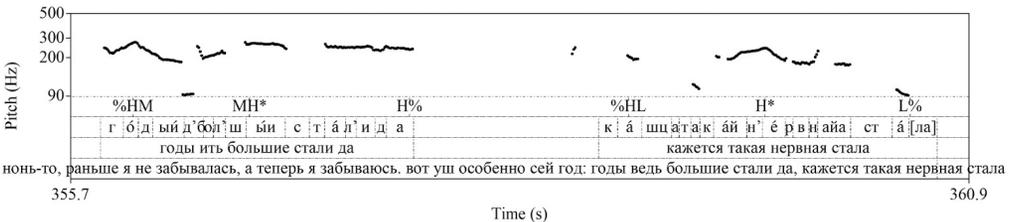
В следующем примере с бинарным сочинительным союзом *да гумно, да амбар* (6) два одинаковых контура $\%LH^*L\%$ разделены паузой, акцент размещается на центре ударного гласного. Повтор профиля тона и пауза между ними позволяет однозначно сегментировать речь и определить статус клитик. В обоих случаях это несомненные проклитики. Во втором употреблении *#да (да амбар)* тоновый пограничный сигнал совпадает с сегментным прерыванием речи (паузой), что однозначно свидетельствует о ее проклитическом статусе.

(6) Запись из д. Княжиха Тотемского р-на Вологодской обл.

Перейдем к случаям употребления *да* в конце интонационной группы. В (7) мы видим одиночную энклитику в позиции *да#*:

(7) Запись из д. Михайловская Тарногского р-на Вологодской обл.

Пример (7) (*раньше я не забывалась, а теперь я забываюсь; вот уши особенно сей год: годы ведь большие стали да, кажется такая нервная стала*) иллюстрирует две последовательно связанные между собой клаузы, разделенные значительной паузой, в составе конструкции с перечислением при пояснении. На первом контуре тон в постцентральной части образует плато $N^*N\%$ с энклитикой *да#* в абсолютном конце клаузы перед паузой, что однозначно демонстрирует тождество клаузы и интонационной группы. Контур второй клаузы перенимает высокий тон, но в постцентральной части реализует контур «завершения ряда» $N^*L\%$ без энклитики *да#*.

В примере (8) с одиночным сочинительным союзом *и народ весь знала: что к нам ходили, там ночевали да, всё на свете знала — тут вот* представлен сочиненный ряд после поясняемого слова. Информант линейно выстраивает воспоминания, которые оформляются контуром с двумя акцентами и проваленной межцентральной частью ($_ _$). Поясняемая часть имеет широкий частотный диапазон реализации контура, три поясняющих компонента имеют тот же контур $_ _ /$, но с бедным диапазоном изменений тона (более монотонный). Завершает интонационную конструкцию падающий тон на *тут вот*. Только второй конъюнкт включает энклитику *да#*.

⁷ Речь, прежде всего, идет о вологодском подкорпусе НКРЯ, но, как кажется, аналогичное варьирование можно предполагать для тех материалов, которые легли в основу диалектных словарей и грамматических описаний.

(8) Запись из д. Княжиха Тотемского р-на Вологодской обл.

В примере (9) мы видим бинарные сочинительные союзы, представленные клитиками *да#*, завершающими конъюнкты (перед паузой). Тон на клитиках остается на среднем уровне и даже несколько повышается, что в условиях закономерной деklinации конца фразы может оцениваться как выраженный подъем. Важно заметить, что в конъюнкте *а там есть Чупова Вера да#* все пики тона приходятся на ударный гласный, а в конъюнкте *Лесукова Лисовета да#* на предупредный. Пока трудно сказать, связана ли эта разница со взаимным расположением сочиненных частей.

(9) Запись из д. Михайловская Тарногского р-на Вологодской обл.

Пример (10) представляет закономерное оформление энклитики *да#* в серийной конструкции⁸: во всех случаях акцент компактно размещен на центре ударного гласного, а на энклитике *да#* происходит падение тона. Кроме того, конъюнкт *дак её вот скошу да#* отделен паузой.

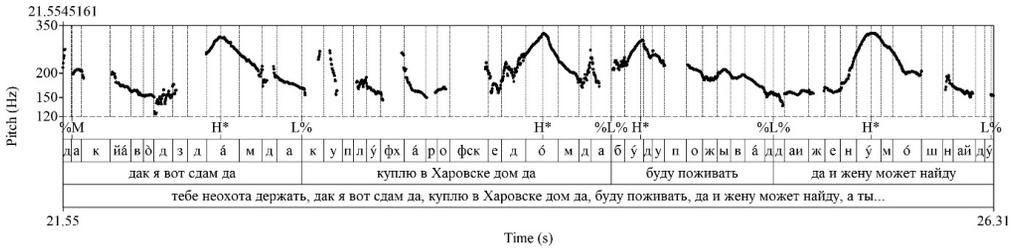
(10) Запись из д. Михайловская Тарногского р-на Вологодской обл.

(11) а. Запись из д. Арзубиха Харовского р-на Вологодской обл.

1. тебе неохота держать [корову],
2. дак я вот сдам [корову] да,
3. куплю в Харовске дом да,
4. буду поживать,
5. да и жену может найду, а ты...

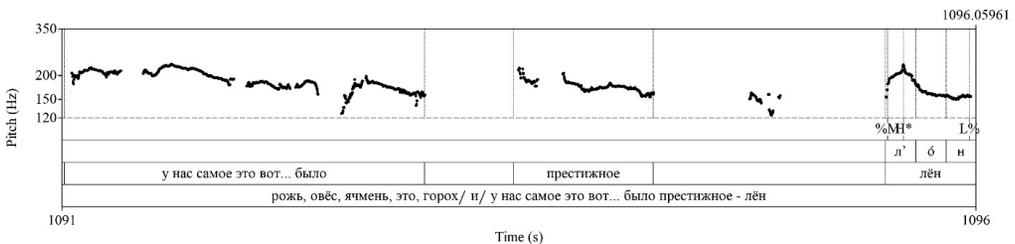
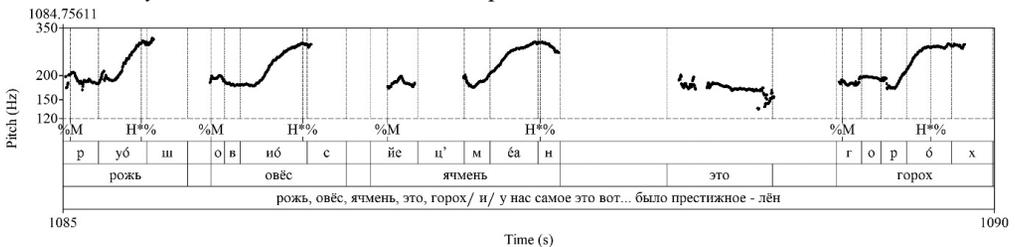
⁸ Низкое качество звука и шум на фоне порождают нерелевантные вертикальные всплески, которые можно игнорировать, однако основной контур частоты основного тона (ЧОТ) верный.

Здесь представлено два типа интонационного оформления групп. В первом, представленном в сочиненных конъюнктах 2. *дак я вот сдам да*, 3. *куплю в Харовске дом да*, последовательное перечисление действий-угроз оформляется как акцентированные участки H* с размещением акцента в правой части конструкции, когда сегментно выраженное сочинение *да#* размещается в конце каждой просодической группы, которая равна клаузе. За ними следуют две другие клаузы, соответствующие интонационным группам, одинаково оформленные, — 4. *буду поживать*, 5. *да и жену может найду* — с акцентом в первой (начальной) части конструкции. Таким образом, с просодической точки зрения мы видим симметричную сочинительную конструкцию из четырех элементов: 2. / 3. / 4. \ 5. \ . Сочиненные клаузы 4. и 5. мы приводим лишь как фоновый материал, поскольку их сочинение обеспечивается двойным союзом *да и*, не рассматриваемым в работе. То, что в данном случае мы имеем дело с типичным интонационным оформлением сочинительной структуры, следует из следующего бессоюзного примера, который, тем не менее, демонстрирует идентичное интонационное оформление.

(11) б. Запись из д. Арзубиха Харовского р-на Вологодской обл.

1. *Рожь*,
2. *овес*,
3. *ячмень*,
4. *это, горох*
5. *и у нас самое это вот ... было престижное — лён.*

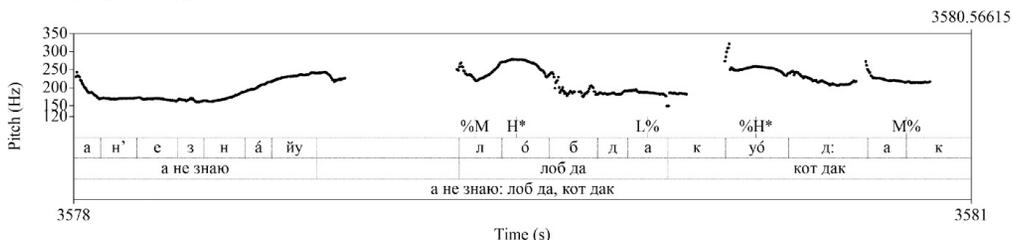
Пример бессоюзного сочинения из харовского говора показывает русскую схему интонационной группы с высоким тоном в правой части. Завершение сочиненного ряда также узнаваемо для примеров из русской интонационной фонетики — понижение тона в пост-центральной части (в нашем случае падение на ударном гласном).

1.2.2. Отсутствие паузы

При отсутствии паузы, как правило, только движения ЧОТ достаточно для сегментации дискурсивных единиц. Так, в примере (12) *а не знаю [как произнести]: лоб да, кот дак* нет паузы, однако падение тона на *да#* позволяет сегментировать *лоб да#, кот дак#* на две интонационные группы, которые совпадают с конъюнктами.

(12) Запись из д. Княжиха Тотемского р-на Вологодской обл.

1. *А не знаю:*
2. *лоб да,*
3. *кот дак.*

1.2.3. Случаи слабой дифференцированности проклитик и энклитик

Помимо однозначно интерпретируемых случаев, рассмотренных выше, в нашем под-корпусе звучащей речи встречаются и примеры слабой дифференцированности проклитик и энклитик. Отсутствие паузы (что обычно и нормально для спонтанной речи) и бедный диапазон изменений тона в северных говорах затрудняют сегментацию. В таких случаях можно говорить о нейтрализации контекстов.

Прежде всего это касается случаев удвоенного *да*, о котором см. подробнее в разделе 6. Двойное *#да-да#*, чрезвычайно редкое в корпусах и живой речи, в контекстах с нейтрализацией может использоваться для анализа, а может и отводиться как ненадежное. Есть основания полагать, что таких ненадежных контекстов в письменном корпусе достаточно много.

Так, при аудитивном анализе контекста (13) (с. 72) остается абсолютно неясным, сегментировать ли его как: *Положишь горсть сена на онучу да, довернешь да* 'И положишь горсть сена на портянку, и обернешь' или же как: *Положишь горсть сена на онучу, да довернешь да* 'Положишь горсть сена на портянку и обернешь'⁹? Тем не менее, опираясь на повторяемость оформления *да#* как постепенно понижающегося в границах тона L, можно неуверенно предположить то членение, которое представлено на линейке интонационной транскрипции. Левая интонационная группа имеет, по-видимому, два центра.

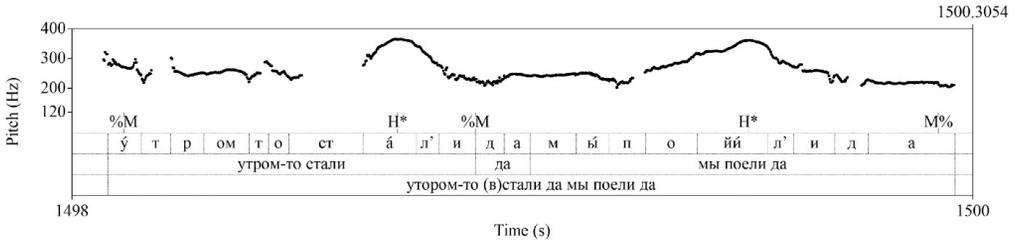
Пример (14) также может быть интерпретирован двояко. Если опираться только на слуховой анализ, то клитика *да* может быть отнесена и в левый, и в правый контекст. Чтение интонационного контура дает чуть больше уверенности в сегментации и в том, что в данном случае мы имеем двойное *#да-да#* при втором конъюнкте. Весомые основания полагать именно так основываются на существовании %М-плато, которое предшествует акценту.

⁹ При первом понимании мы получаем двойной серийный союз при каждом конъюнкте, а при втором — одиночный при втором с двумя реализациями. Здесь и далее перевод дается только для тех диалектных примеров, которые представляют трудности для понимания носителям литературного языка.

(13) Запись из д. Княжиха Тотемского р-на Вологодской обл.

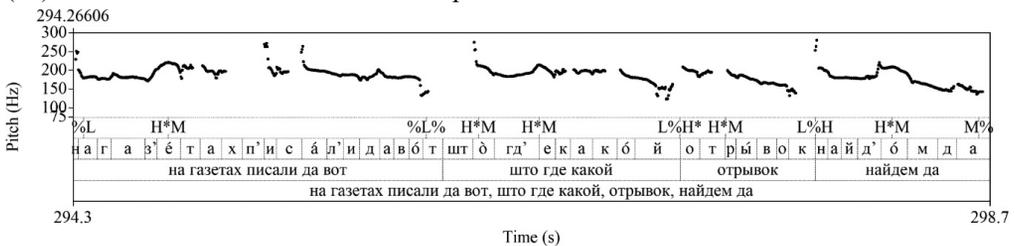

(14) Запись из д. Михайловская Тарногского р-на Вологодской обл.

К сложным случаям также стоит отнести интересный пример (15), который в результате слухового анализа был сегментирован сначала как: *на газетах писали, да вот што где какой отрывок найдем да* ('на газетах писали, а еще на найденных обрывках'). При таком понимании мы имели бы дело с удвоенным союзом *да*. Однако анализ интонационной конструкции показал, что интуитивное членение было неверным, так как *да* является частью энклитики *да вот#*: *на газетах писали да вот, што где какой отрывок найдем да* ('ведь на газетах писали, если где какой обрывок [газеты] найдем'). В этом примере, по-видимому, можно выделить четыре интонационных группы, оформленных одинаковыми контурами с двумя центрами — в инициали и на ударном гласном: %H*M-H*M-L%. Последние два фонетических слова парцелированы и оформлены таким же контуром. Пограничным сигналом служит тоновый контраст L%H. При таком скорректированном понимании мы имеем дело вообще не с союзом, а с дискурсивной частицей *да*, которая, соответственно, не подпадает под рассмотрение в данной статье.

(15) Запись из д. Княжиха Тотемского р-на Вологодской обл.

Тем не менее в нашем подкорпусе звучащей речи все же есть и небольшое число однозначно интерпретируемых двойных *да*, см. подробнее раздел б. Отметим здесь один из них:

(16) Запись из д. Княжиха Тотемского р-на Вологодской обл.

1. она... пирогов напекёт,
2. йим понесет в деревню, еду, да молока да.
3. вот тута мы хорошо с бабушкой-то жили.

В (16) мы видим сочинение двух именных групп — (а) *еду* и (б) *молока*. Конъюнкт *молока* сочиняется с *еду* посредством сочинительного союза *да*, причем этих *да* два! В отличие от примеров типа (9) и (10) выше, в которых каждое из двойных (и серийных) *да* употреблялось при разных конъюнктах и входило в разные интонационные группы, оба *да* в (16) входят в одну интонационную группу, которую образует второй конъюнкт *молоко*. Таким образом, аудитивный анализ демонстрирует, что оба *да* входят в **одну** интонационную группу и, по нашей гипотезе, употребляются при одном конъюнкте. Поэтому мы анализируем в нашей статье примеры типа (16) как содержащие единичный союз *да*, хотя и в двух фонетических реализациях, в отличие от двойных и серийных *да* при каждом из двух и более конъюнктов.

1.3. Первая позиция, отличающаяся от конъюнкта

Во всех рассмотренных в предыдущих разделах случаях, когда *да* употреблялось как энклитика, оно находилось во второй позиции после занимающей первую позицию синтаксической составляющей (клаузой, именной группой и т. п.), которая одновременно являлась и интонационной группой.

Но наш материал такими случаями не исчерпывается. С типологической точки зрения элементы с ограничением второй позиции могут располагаться после элементов первой позиции трех типов: фонетического слова, просодической группы или синтаксической составляющей. Во многих языках первая позиция может быть выражена как фонетическим словом, так и синтаксической составляющей [Spencer, Luís 2012; Циммерлинг 2013; Weisser 2024].

Не только в приведенном материале, но и в обоих наших подкорпусах северных русских говоров энклитический союз *да* клитизуется во всех случаях, которые интерпретируются однозначно, к синтаксической составляющей (клаузе или именной/глагольной группе)¹⁰. Именно такой материал представлен без исключения в вологодских диалектных данных НКРЯ.

1.3.1. Первая позиция обеспечивается частью конъюнкта

Однако в литературе по северным русским говорам обнаруживаются примеры, которые демонстрируют варьирование в отношении материала, занимающего первую позицию. Так, во вторичной литературе цитируются случаи, в которых сочинительный союз занимает вторую позицию не после составляющей, а после фонетического слова. Впрочем, эти примеры почти уникальны (что отмечается в [Post 2005: 457]) и могут вызывать

¹⁰ Разумеется, в наших подкорпусах представлены и неоднозначные случаи, например, неветвящиеся группы, которые теоретически могли бы быть и фонологическим словом, но в однозначных примерах в первой позиции находятся именно синтаксические составляющие.

сомнения. Один из более надежных примеров из говоров Терского берега Белого моря (Варзуга) представлен в (17).

(17) 1. *Ну шкуры т'оплы дак.*

2. *П'имы да т'оплы дак.*

'1. Шкуры теплые ведь. 2. И валенки ведь теплые' [Post 2005: 458].

Наиболее вероятно, что *т'оплы* здесь является сказуемым. В таком случае *да* соединяет два конъюнкта, каждый из которых представляет собой клаузу: *ну шкуры т'оплы дак* (первый) и *п'имы т'оплы дак* (второй). Однако *да* в (17), в отличие от примеров из предыдущих разделов, стоит не после всей клаузы, а после лишь ее части — именной группы *п'имы*, которая является в клаузе одновременно первым фонетическим словом и первой синтаксической составляющей. В отличие от предыдущих случаев, в (17) сочинительный союз-энклитика однозначно стоит не после всего конъюнкта-клаузы, а после части конъюнкта.

Аналогичен и единственный другой надежный пример из архангельских говоров:

(18) 1. *Станы делали,*

2. *на тело да оболокали* [Гецова 1999: 172].

В данном случае сочинены две клаузы, однако *да* располагается не после всего второго конъюнкта (**на тело оболокали да*), а после его части — *на тело*¹¹, представляющей собой, как и в (17), и первое просодическое слово клаузы (образованное проклитическим предлогом и ударным словом), и первую ее синтаксическую составляющую (предложную группу).

Таким образом, в предыдущих разделах мы увидели модель, когда первую позицию, за которой следует сочинительный союз-энклитика, занимает конъюнкт целиком (он может быть выражен синтаксической составляющей разного размера — клаузой, именной или глагольной группой и т. п.). Она представлена во всех релевантных случаях из наших подкорпусов. При этом два приведенных выше отклоняющихся примера (17) и (18) демонстрируют случаи, когда союз-клитика, соединяющий два конъюнкта, следует за первым фонетическим словом, которое является одновременно и первой составляющей второго конъюнкта¹², однако важно отметить единичность таких случаев на фоне регулярности указанной модели. Также значимо, что оба примера представлены вне наших корпусов¹³

¹¹ Ср. анализ О. Г. Гецовой [1999: 172]: «[с]оюз *да* может быть отделен от последующего однородного сказуемого другими словами — дополнениями, обстоятельствами».

¹² В литературе, посвященной второй позиции, отмечается, что варьирование между синтаксической составляющей и просодическим словом как элементами, за которыми следуют клитики второй позиции, очень частотно, см. о сентенциальных клитиках [Spencer, Luís 2012; Циммерлинг 2013: 61–62; Zimmerling, Kosta 2013: 193] и специально о сочинительных союзах [Weisser 2020; 2022; 2024; Aremu, Weisser 2024].

¹³ Единственный пример, который можно было бы считать аналогичным в наших корпусах, представлен в вологодском корпусе НКРЯ:

(i) О деревенской жизни (Губино, Кирилловский р-н, Вологодская обл., 2006)

1. *А тѣперь цѣ нет ни парника ни родня //*

2. *как парник дак фсе заложациа*

3. *дома да сидят //*

'1. А теперь что, нет ни парника, ни родни. 2. Как парник заложат, 3. так дома сидят.'

В (i) отсутствие просодической границы между клаузами 2 и 3 осложняет анализ, однако из контекста все же следует, что *дома сидят* — одна клауза и что *да* явным образом имеет в сфере действия всю эту клаузу, но при этом стоит после *дома*, ее первой именной группы (которая одновременно является ее первым фонетическим словом). То, что сфера действия *да* распространяется именно на клаузу *дома сидят*, а не на какой-то другой (большой или меньший) фрагмент предложения *как парник дак фсе заложациа дома да сидят*, следует из синтаксического

в архангельских говорах и говорах Терского берега Белого моря. Вероятно, что в вологодских говорах такая модель просто отсутствует.

1.3.2. Первая позиция, обеспечивающаяся частью конъюнкта, и плеонастическое *да*

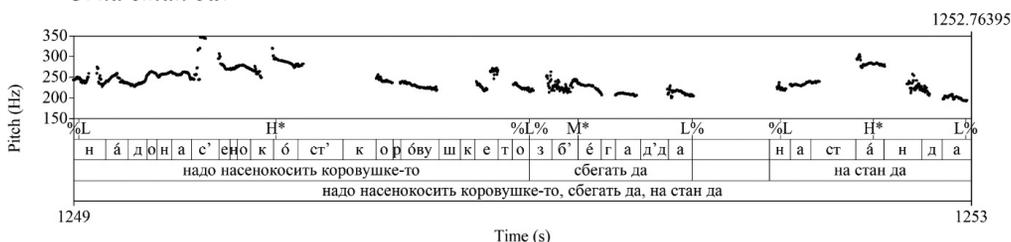
В примерах, которые мы разберем в этом разделе, также имеем дело с клитизацией энклитики *да* к единице, меньшей, чем конъюнкт, как и в примерах предыдущего раздела:

(19) Запись из д. Михайловская Тарногского р-на Вологодской обл.

1. *надо насенокосить коровушке-то,*

2. *сбежать да,*

3. *на стан да.*

На первый взгляд, в (19) из нашего устного подкорпуса двойной союз *да* сочиняет предикат *сбежать* с предложной группой *на стан*, что, разумеется, невозможно ни семантически, ни синтаксически. В данном случае *да* явно сочиняет две глагольные группы: *насенкосить коровушке-то* и *сбежать на стан*. В последовательности 1. *сбежать да*, 2. *на стан да* мы имеем дело с расщеплением глагольной группы на две интонационных группы, с парцелляцией, когда говорящий добавляет *на стан*, уже завершив предложение *сбежать да*. В пользу такого анализа говорит просодия: обе части второго конъюнкта оформлены интонационным контуром с падением тона в постцентральной части, между ними имеется пауза, тем самым сегментация и статус клитик устанавливается однозначно — *да#*.

Особенно любопытно то, что при расщеплении одной интонационной группы, тождественной второму конъюнкту, на две каждая из них плеонастически маркируется союзом *да*.

Аналогичный анализ напрашивается и для следующего случая из вологодского подкорпуса НКРЯ, хотя для него и отсутствует интонационный материал:

и семантического анализа: *да* некоторым образом соотносит именно две клаузы — *как парник дак все заложатца*, с одной стороны, и *дома сидят*, с другой. Любопытно, что ни синтаксически, ни семантически речь в этом примере не идет о сочинении, поскольку *да* употребляется между зависимой (2) и главной (3) клаузой, что не является сочинительным контекстом (о несочинительных употреблениях *да* см. [Шапиро 1953: 243–244; Голубева 1991: 129; Гецова (ред.) 1999: 175–178; Post 2005: 453–466]). Более того, соотнося пример с литературным языком, можно немедленно отметить его сходство с коррелятивным *как ... так (и)*: *как парник все заложат, так дома и сидят*. В этом контексте возникает вполне очевидный вопрос, нельзя ли анализировать *да* в этом контексте как (неточную) запись *дак*? См. [Post 2005] об аналогичном предположении относительно зафиксированных только в письменной форме употреблений *да*, которые автор рассматривает как *да(к)*. При таком весьма вероятном понимании (i) вообще нерелевантен для нашего анализа сочинительного союза *да*.

- (20) О беседах, о замужестве (Ольховицы, Кирилловский р-н, Вологодская обл., 2006)
1. *Так посидели да /*
 2. *за столом да /*
 3. *цый попили*
 4. *да и фсё /*

Как и в предыдущем случае, на первый взгляд, в (20) двойной союз *да* сочиняет предикат *посидели* с предложной группой *за столом*, что, разумеется, невозможно. В данном случае *да* явно сочиняет две глагольные группы. Если мы приведем семантику и синтаксис в одно-однозначное соответствие, то получилось бы: *так посидели за столом* и *цый попили*. В последовательности 1. *так посидели да* / 2. *за столом да* мы имеем дело с расщеплением глагольной группы на две интонационных группы, с парцелляцией, когда говорящий добавляет *за столом*, уже завершив предложение *посидели да*. В пользу такого анализа говорит пауза перед *за столом*, которая также не ожидалась бы, если бы *за столом* было просто предложной группой, зависимой от предиката. После расщепления предложения 1.–2. на две отдельные интонационные фразы каждая из этих интонационных фраз плеонастически маркируется *да*. Важно, что (20) невозможно проанализировать так же, как (17) выше: в (20) *да* употребляется два раза в рамках одной клаузы.

Мотивацией возникновения такой модели употребления является (редкое) разбиение конъюнкта на две интонационные группы. В тех (абсолютно доминирующих) случаях, когда конъюнкт представлен одной интонационной группой, плеонастическое *да* не возникает. В случаях же, когда один конъюнкт представлен двумя интонационными группами, при его сочинении с предыдущим конъюнктом происходит плеонастическое употребление сочинительного союза после каждой интонационной группы, составляющей конъюнкт.

2. Сочинительные конструкции в вологодских говорах: описание

Итак, в вводных разделах статьи мы пришли к выводу, что сочинительный союз *да* в северных русских говорах является клитикой, которая располагается внутри своей области клитизации, определяемой одновременно и как интонационная группа, и как синтаксическая составляющая. Составляющая в данном случае представляет собой конъюнкт, который может быть разного размера — от клаузы до именных и глагольных групп. В большей части нашего материала эти две стороны области клитизации изоморфны, отклоняющиеся случаи представлены очень редко, см. их анализ в разделе 1.3.2. Таким образом, можно выделить две модели употребления одиночного сочинительного союза *да*:

- (21) а. [X] [*да* Y]
с тремя реализациями:
как только энклитика [X] [Y=*да*],
как только проклитика [X] [*да*=Y],
как энклитика и как проклитика одновременно [X] [*да*=Y=*да*]¹⁴;
- б. [X *да*] [Y]
с одной реализацией — как энклитика [X=*да*] [Y].

¹⁴ Как мы показали выше, этот тип не тождественен употреблению *да* при каждом конъюнкте [*да* X] [*да* Y] с двумя реализациями — как энклитика [X=*да*] [Y=*да*] и как проклитика [*да*=X] [*да*=Y]. Более подробно см. разделы 6–7.

Также в обоих наших корпусах представлен и еще один вариант:

- с. *X да Y* без паузы между конъюнктами, из-за чего невозможно определить, к какому из конъюнктов клитизуется *да*; к нему мы относим и нейтрализацию проклитического и энклитического употребления сочинительного союза в письменно зафиксированной диалектной речи¹⁵.

Теперь проиллюстрируем эти модели конкретным языковым материалом вологодского диалекта. Само по себе одновременное наличие нескольких моделей в северных русских говорах является общепризнанным в литературе по диалектному синтаксису и лексикографии. В наиболее эксплицитном виде это отмечается в [Post 2005: 455]: «...*da* can be both enclitic and proclitic», с примерами на употребление сочинительного союза в форме как энклитики, так и проклитики [Ibid.: 457]¹⁶. Важно, что при выделении большого количества значений у *да*, не все из которых являются сочинительными союзами [Гецова 1999; Post 2005: 455–467], в литературе однозначно и эксплицитно отмечаются как энклитические, так и проклитические употребления именно сочинительного союза *да*. При этом в традиционных исследованиях северных русских диалектов [Шапиро 1953] и соответствующих выпусках Архангельского областного словаря [Гецова 1999; Маховая 2022] проводится терминологическое разграничение проклитических союзов и энклитических частиц, т. е. энклитический союз *да* таксономизируется исключительно как энклитическая частица.

2.1. Тип [X=*да*] [Y]

Наиболее отлична от моделей расположения сочинительных союзов, представленных в литературном языке, модель (21b) [X=*да*] [Y], в которой сочинительный союз входит в одну интонационную группу с первым конъюнктом и, являясь энклитикой, клитизуется к последнему слову в нем. Эта модель выделяется уже в работе [Шапиро 1953: 233], где иллюстрируется примерами, приведенными в (22), ср.: «[ч]то в первых двух примерах союз *да* стоит не между однородными членами, а после первого, ясно из того, что после *да* делается значительная пауза, а само *да* примыкает энклитически к предшествующему ему слову» [Там же].

- (22) АРХАНГЕЛЬСКИЙ ДИАЛЕКТ [Шапиро 1953: 233]
 а. *Зарежешь да, мяско сјиси.*
 б. *А мы тоже это напекем да, тряпам.*

Аналогичное описание дается в [Гецова 1999: 170]: «...част[ица] *да* без паузы примыкает к каждому предыдущему однородному члену и отделяется от последующего паузой»¹⁷.

Этот хорошо описанный тип представлен и в наших данных, ср. пример из НКРЯ:

¹⁵ В случае если в произношении между конъюнктами нет паузы и в произношении имеется нейтрализация.

¹⁶ Для целей данной статьи крайне значимо, что сосуществование энклитических и проклитических реализаций у одной клитики не ограничено *да*. Оно представлено и у единственной другой подробно проанализированной в этом плане клитики — *дак*. Так, в [Post 2005: 391] отмечается: «The difference between enclitic and proclitic *dak* is not important for the description of the core meaning of *dak*, as enclitic and proclitic *dak* mark the same kind of relations». См. более подробно раздел 9.

¹⁷ При этом разделение однородных членов паузой наблюдается не всегда, см. выше. Тем не менее выделить различные интонационные группы в таких случаях удастся на основании интонационных контуров.

(23) Смерть свекрови (Верховье, Вытегорский р-н, Вологодская обл., 1976)

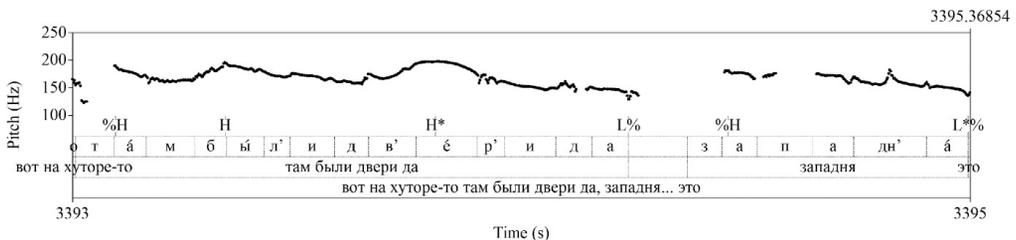
1. *Пришли да /*
2. *этот сосед-то говорит.*

В данном случае интерпретация энклитического *да* как сочинительного союза следует из более широкого контекста¹⁸: фрагмент (23) представляет собой более тесное семантическое единство на фоне рассказа о промысле белок и отделяется от предыдущего фрагмента более протяженной паузой, маркирующей, скорее всего, границу между дискурсивными единицами. То, что сочинительный союз клитизуется именно к первому конъюнкту в 1. *пришли*, показывает наличие паузы перед вторым конъюнктом после сочинительного союза в 2. *этот сосед-то говорит*.

В устном подкорпусе эта модель также представлена однозначными примерами.

(24) а. Запись из д. Княжиха Тотемского р-на Вологодской обл.

1. *Вот на хуторе-то там были двери да,*
2. *западня... это.*

b. = (11)

c. Запись из д. Маньоловский Погост Тотемского р-на Вологодской обл.

1. *Нет, не училась,*
2. *уюду да,*
3. *приеду снова домой.*

В (24а) мы имеем дело с сочинением двух именных групп — *двери* и *западня* ‘подпол’. В контексте, таким образом, перечисляются составные части построек. Клитизация *да* к первому конъюнкту следует из тонограммы. Примеры (24b–с) аналогичны. Более широким контекстом (24b=11) является вопрос интервьюирующего, как говорящий приносит два слова — *кот* и *лоб*. В ответ в (24b) говорящий их перечисляет, таким образом, сочиняя эти именные группы. Для (24с) интерпретация *да* как сочинительного союза

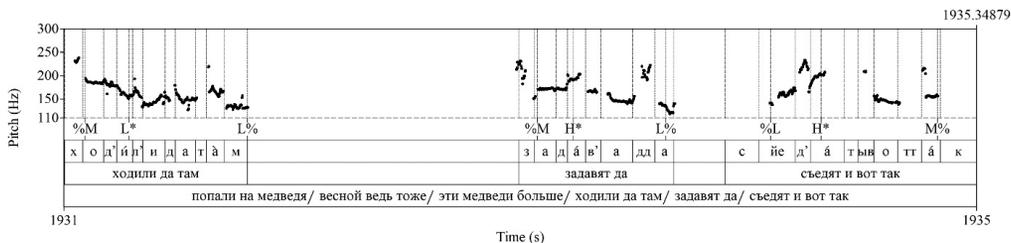
¹⁸ Полностью пример выглядит так [НКРЯ]: *это дело было о Пок... до Покрова как... ну о Покрове / осенью // за белкам пошли // ну принесли три белки-ти принесли / три / три штучки // пришли да / этот сосед — то говорит / кумушка / кумушкой нрзб я у его помните крестница / сейчас вот живая // кумушка ска / сними ты белок / ты говорит мастер / а я вышкурю живо их // а у моего-то мужа было два ружья // одно одностволок / да двустволок // [Смерть свекрови (Верховье, Вытегорский р-н, Вологодская обл., 1976)].*

определяется контекстом: пара предложений *уюду* и *приеду снова домой* коррелируют тесно семантически, что позволяет анализировать *да* именно как сочиняющий их союз.

Аналогичен и следующий случай:

(24) д. Запись из д. Арзубиха Харовского р-на Вологодской обл.

1. *Попали на медведя /*
2. *весной ведь тоже / эти медведи больше /*
3. *ходили да там /*
4. *задают да /*
5. *съедают*
6. *и вот так.*

Харовский говор представляет пример энклитического *да* [X=*да*] [Y]: 4. *задают да* / 5. *съедают*. Интонационные группы (а) *задают да* / (б) *съедают и вот так* оформлены самостоятельными контурами частоты основного тона и разделены паузой.

2.2. Тип [X] [Y=*да*]

Модель (21а), в которой сочинительный союз *да* образует одну составляющую со вторым конъюнктом и входит с ним в одну интонационную группу, реализуется, как и было отмечено, в двух вариантах — энклитическом и проклитическом статусе сочинительного союза. Если сочинительный союз энклитика, мы получаем предложения следующего типа в НКРЯ:

(25) О колонии (Артюшино, Белозерский р-н, Вологодская обл., 2012)

1. *Этап — то пришёл /*
2. *лицьные дела дак надо фсе зафиксировать /*
3. *в журнал записатьь=да...*

В (25) сочиняются две глагольные группы — *зафиксировать* и *в журнал записатьь*, с предварительным выносом из глагольной группы прямого дополнения, что видно по порядку слов в 2, где прямое дополнение предшествует нефинитному предикату *надо*.

В устном подкорпусе представлены сходные случаи:

(26) Запись из д. Княжиха Тотемского р-на Вологодской обл.

В примере (26) *тоже учиться-то было: не бумаги, ничего не было да#* энклитика *да#* находится при втором конъюнкте. Оба конъюнкта оформлены самостоятельными интонационными контурами. Клитика *да#* включена в состав второго интонационного контура, она помещена в зону постакцентного плато с высоким тоном. Таким образом, мы вновь видим тождество конъюнкта и интонационной группы. В примере (26) также представлено сочинительное сокращение, причем на этот раз в первом конъюнкте: *не бумаги <не было>* (первый) и *ничего не было* (второй). Пример невозможно анализировать как сочинение двух именных групп (*не бумаги* и *ничего*), потому что *да* находится после финитной формы глагола и сочиняет именно клаузы.

Из примеров такого типа, наиболее распространенных в нашем корпусе, следует, что энклитический сочинительный союз клитизируется ко всему второму конъюнкту, который может представлять собой как клаузу, так и более мелкую составляющую — как именную, так и глагольную группу.

2.3. Тип [X] [да=Y]

Если сочинительный союз — проклитика в рамках модели (21а), мы получаем варианты типа¹⁹:

(27) О еде (Ольховицы, Кирилловский р-н, Вологодская обл., 2006)

1. *А маленькая семья дак /*

2. *цезез²⁰ два /*

3. *да цезес три //*

4. *при тятя дак ни .*

‘1. А маленькая семья, 2. по два (человека), 3. и по три. 4. При отце так не (было).’

2.4. Распределение различных типов в вологодском диалекте

Со статистической точки зрения проклитические употребления сочинительного союза доминируют в вологодском подкопсе НКРЯ среди однозначно определяемых конструкций — они представлены 46 раз при 28 энклитических употреблениях и 10 удвоенных употреблениях²¹, что хорошо вписывается в типологию сочинительных конструкций в языках мира [Stassen 2000: 10–14]. Они в абсолютном большинстве случаев представлены начиная со второго конъюнкта, исключительно редко встречаясь при каждом из конъюнктов, начиная с первого: в НКРЯ представлено всего два таких контекста (4 % из 46 употреблений). Во всех остальных случаях при проклитических употреблениях союз представлен начиная со второго конъюнкта (42 случая, 91 %): в 39 (85 %) контекстах при втором из двух, в 3 (7 %) при втором, третьем и четвертом конъюнктах (всех, кроме первого). В двух контекстах (4 %) союз употребляется при третьем (и далее четвертом) конъюнктах, т. е. не употребляется ни при первом, ни при втором. У нас нет ни одного контекста, в котором проклитический союз был бы исключительно при первом конъюнкте.

Таким образом, область клитизации при бинарных конъюнктах всегда ограничена вторым конъюнктом в случае, если сочинительный союз — проклитика:

¹⁹ Примеры из устного корпуса также представлены, см. (6) выше.

²⁰ Отражение цоканья в северных говорах, в инвентаре аффрикат представлена только свистящая.

²¹ О последних см. в разделах 6–7.

(28) [конъюнкт₁] [да [конъюнкт₂]]_{область клитизации} → [конъюнкт₁] да=[конъюнкт₂]

Энклитический сочинительный союз клитизуется лишь к первому конъюнкту существенно чаще — 5 раз (18 % из 28 случаев всего). Употребления энклитического сочинительного союза начиная со второго конъюнкта представлены 14 раз (50 %): из них в 12 (43 %) он употребляется во втором из двух конъюнктов. Энклитические употребления сочинительного союза при каждом конъюнкте также существенно более частотны, чем проклитические, — в корпусе обнаруживается 9 случаев (32 %). Таким образом, при бинарных конъюнктах область клитизации задана в случае союза-энклитики не так жестко, как при союзе-проклитике:

(29) а. [конъюнкт₁] [да [конъюнкт₂]]_{область клитизации} → [конъюнкт₁] [да ><²² [конъюнкт₂]] → [конъюнкт₁] [конъюнкт₂]=да

б. [[конъюнкт₁] да]_{область клитизации} [конъюнкт₂] → [[конъюнкт₁] >< да] [конъюнкт₂] → [конъюнкт₁=да] [конъюнкт₂]

В (29а) область клитизации ограничена вторым конъюнктом, как и при проклитическом союзе, а в (29б) — первым конъюнктом. Важным вопросом в этой связи является то, как дедуктивно определяется область клитизации. Выше отмечалось, что область клитизации — это тот отрезок высказывания, в пределах которого энклитика определяет свою (вторую) позицию. Этот отрезок высказывания является синтаксической единицей и одновременно интонационной группой. Поскольку синтаксические единицы могут быть разного размера (клаузой, именной группой, глагольной группой и т. п.), то теоретически как вся сочиненная группа из двух конъюнктов, так и один из двух конъюнктов могут составлять область клитизации. Поэтому синтаксис сам по себе в рамках сочинительных конструкций еще не позволяет однозначно определить область клитизации. В таком случае мы обращаемся к просодии, чтобы определить, какая из синтаксических единиц является интонационной группой. Выше было продемонстрировано, что в вологодском диалекте первый конъюнкт представляет собой отдельную интонационную группу.

Сосуществование двух областей клитизации представляет собой крайне нетривиальный с типологической точки зрения феномен, который эксплицитно не описан в работах по типологии сочинительных конструкций [Stassen 2000; Haspelmath 2007], однако, тем не менее, существует в языках мира, см. раздел 3. При энклитическом употреблении доминирует та же область клитизации, что и при проклитическом употреблении союза.

Энклитические и проклитические употребления не встречаются в рамках одной сочинительной структуры. Эта дистрибуция по данным вологодского подкорпуса НКРЯ противоречит обобщению [Post 2005: 457], согласно которому проклитические и энклитические употребления *да* могут быть представлены в одном контексте. При этом анализ единственного примера²³, иллюстрирующего это положение, на самом деле подтверждает нашу точку зрения: энклитические и проклитические употребления *да* действительно могут употребляться в одном контексте, но при этом не употребляются в рамках одной сочинительной конструкции! Единственным исключением является удвоенное употребление *да*, см. разделы 6–7.

Важно иметь в виду, что в большинстве случаев в корпусе (63 употребления) отсутствует информация, которая бы позволила понять, имеем ли мы дело с энклитическими или проклитическими употреблениями союза, — не маркированы паузы или просодические

²² Знак >< означает постсинтаксический механизм, при помощи которого энклитический союз занимает свою позицию. Мы подробно рассмотрим его ниже.

²³ Пример (61) в [Post 2005: 457]: *Фс'ак'их остав'ил'и, стар'ик'оф дак, кот'орые ... на во'н'у'иш н'и ... н'и б'ер'ут их. Стар'ик'и остав'ил'и да вот же'ниш'ины да, да д'ет'и. Дев'ена'цат'и-та л'етн'и и х'д'ил'и на о'горб'и. Кар'тошк'и-то ма'ло сад'ил'и тут кар'тошк'и-то да о'ј, ск'ол'ко было убо'рк'и. Ка'пу'ста да кар'тошк'и да и р'ё'пу сад'ил'и мор'ков' да (ф)с'о ...*

границы между конъюнктами (тип 21с). При отсутствии просодической информации в вологодском подкорпусе НКРЯ мы не можем решить, имеем ли мы дело с энклитикой или проклитикой²⁴.

3. Типологический фон для *да* в северных диалектах

В литературе, посвященной сочинительному союзу *да* в северных русских говорах, отмечалось, что синтаксическая природа употребления *да* остается непонятной с грамматических позиций литературного русского языка, поскольку в нем нет сочинительных союзов с такой дистрибуцией, см., например, [Преображенская 2002: 121].

Тем не менее с точки зрения типологии сочинительных конструкций дистрибуция *да* в северных русских говорах тривиальна: в языках мира представлены как структуры типа [X &] [Y] → [X=&] [Y], так и структуры типа [X] [& Y] → [X] [Y=&] [Stassen 2000: 14; Haspelmath 2007: 8–10]. Структуры второго типа однозначно доминируют, но и структуры первого типа, в которых сочинительный союз клитизуется к первому конъюнкту, хорошо известны. Эта стратегия есть, например, в осетинском (30a), классическом тибетском (30b), айнском (30c), японском (30d)²⁵:

(30) ОСЕТИНСКИЙ [Беляев 2022: пример 8]

- a. 1. Ам уæд седьмой-т-едт-æн мын нæ-ма уыд-ис=мæ
здесь тогда седьмой-PL-EXCP-DAT я.DAT NEG-больше быть-3SG.PST=и
2. семилетка куы фæ-даен,
семилетка когда PV-быть.1SG.PRS
3. уæд Хъобан-мæ а-цыд-тæн.
тогда К.-ALL PV-идти-1SG.PST

‘1. Здесь тогда кроме семилетки ничего не было, и, 2. когда я окончила семилетку, 3. я поехала в Кубан’.

КЛАССИЧЕСКИЙ ТИБЕТСКИЙ [Haspelmath 2007: 8]

- b. *Blama-s bgegs-day ndre btul*
лама-ERG демон-и дух приручить.PST

‘Лама приручил демонов и духов’.

АЙНСКИЙ [Refsing 1986: 162]

- c. *Mun ka nonno poronno tuk*
кусты и цветы много расти

‘Росло много кустов и цветов’²⁶.

ЯПОНСКИЙ [Koizumi 1985: 204], цит. по [Vermeulen 2008: 345]

- d. *John-ga Mary-to Bill-o mita*
Джон-НОМ Мэри-и Билл-АСС увидеть.PST

‘Джон увидел Мэри и Билла’.

²⁴ Отметим, что самым редким типом является удвоенный союз. Он представлен лишь 10 раз в нашем корпусе: [конъюнкт₁] [да [конъюнкт₂]]_{область клитизации} → [конъюнкт₁] да=[конъюнкт₂]=да. Важно, что и тут представлена та же область клитизации, что и при проклитическом употреблении (21a), которая доминирует при энклитическом употреблении (21b), ограничивающаяся только вторым конъюнктом. Мы подробнее рассмотрим этот материал в разделах 6 и 7.

²⁵ См. также [Stassen 2000: 14].

²⁶ В [Refsing 1986: 162] сочинительный союз *ka* анализируется как постпозитивный сочинительный союз (coordinative postposition), ср. [Shibatani 1990: 21–22], где в качестве сочинительного союза в айнском приводится только *wa*.

В (30b–d) мы видим сочинение именных групп, а в (31a) — сочинение клауз. В (31a) весь первый конъюнкт (клауза) представляет собой первую позицию для сочинительного союза²⁷. Таким образом, он располагается после последнего слова первого конъюнкта и, исходя из общих соображений о клитизации, образует с ним одну интонационную группу.

Системы, в которых сочинительный союз выступает и как энклитика, и как проклитика, также представлены в языках мира, например в осетинском [Беляев 2022; Беляев, Хомченкова 2022]:

(31) осетинский [Беляев 2022: примеры 6, 10]

a. проклитический сочинительный союз

Æрба-цъд-тæ, æмæ ба-цин кодт-он.
 PV-идти-PST.2SG и PV-радость делать-PST.1SG
 ‘Ты пришел, и я обрадовался’.

b. энклитический сочинительный союз

Ма ма уу чысыл а-куыст-он æмæ уæд чындз-ы
 и еще один маленький PV-работать-PST.1SG и тогда невеста-IN
а-цъд-тæн, пятьдесят шестой аз-ы.
 PV-идти-PST.1SG год-IN
 ‘Еще немного поработала, и тогда вышла замуж, в пятьдесят шестом году’.

В [Циммерлинг 2013: 54–56] обсуждаются сентенциальные клитики других типов, которые в определенных условиях являются энклитиками, а в других проклитиками. Наиболее известными представителями класса являются романские клитики, а среди славянских языков — клитики словенского языка [Там же: 76]. Мы обсудим эти более далекие параллели в разделах 8.2–8.3.

Подытоживая, отметим, что отсутствие типов **да*=конъюнкт₁=*да* конъюнкт₂ и **да*=конъюнкт₁ конъюнкт₂ в северных русских говорах неслучайно: они, согласно [Stassen 2000: 15; Haspelmath 2007: 6–8, 10], не представлены в языках мира вообще. В [Haspelmath 2007: 10] предлагается диахроническое объяснение этих лакун в языках мира. С чисто синтаксической точки зрения обе эти лакуны в языках мира случайны.

4. Тип [X=&] [Y] в формальных моделях языка: введение

Наличие как структур типа [X &] [Y] → [X=&] [Y], так и структур типа [X] [Y] → [X] [Y=&] совершенно не учтено в существующих формальных моделях сочинительных конструкций. В основу анализа в них положены структуры второго типа, а структуры типа [X &] [Y] → [X=&] [Y] рассматриваются лишь как их реализация в языках с левым ветвлением. То же верно и для типологических работ и формальных представлений явлений второй позиции: в них учитываются лишь структуры, в которых область клитизации сочинительного союза ограничена вторым конъюнктом.

²⁷ То, что первая позиция в (31a) обеспечивается именно клаузой, следует из нескольких соображений. Во-первых, *ма* сочиняет именно две синтаксические единицы (первую клаузу 1 и второе сложное предложение, состоящее из клауз 2 и 3). Слово, к которому клитизуется *ма* — *уыдис* ‘был’ — не сочинено само по себе ни с каким другим элементом этого фрагмента дискурса. Таким образом, аргумент в пользу того, что первая позиция для сочинительного союза в данном случае — это первая клауза, является семантико-синтаксическим: правильное распознавание контекста возможно только при клаузальном понимании конъюнктов. Поскольку пример взят нами из литературы, мы не владем просодической информацией, но предполагаем, в соответствии с имеющимися у нас просодическими данными (см. выше), что весь первый конъюнкт представляет собой одну интонационную группу.

Тем самым, парадоксальным образом, типологически более редкая для сочинительных конструкций область клитизации $[X \&] [Y] \rightarrow [X=\&] [Y]$ принимается в качестве стандартной для других типов клитик.

4.1. Тип $[X=\&] [Y]$ в формальных моделях языка

Итак, формальные модели языка оперируют лишь структурой $[X] [\& Y] \rightarrow [X] [Y=\&]$ ²⁸ / $[X] [\&=Y]$ ²⁹, в котором сочинительный союз является частью второго конъюнкта.

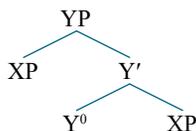
Начнем с формального представления сочинительных структур вообще.

Линейно сочинительные конструкции с двумя конъюнктами и одним сочинительным союзом (безотносительно к тому, является ли сочинительный союз клитикой) схематично представимы так:

(32) [конъюнкт₁] & [конъюнкт₂] [Stassen 2000: 10].

Структурно в соответствии с доминирующей на настоящий момент точкой зрения в генеративной традиции сочинительные конструкции представляются как бинарные и эндоцентричные³⁰. Напомним, что любая структура в генеративизме стандартно отображается как (33), где максимальная проекция — YP, с тремя элементами — вершиной (Y⁰), спецификатором этой вершины (который присоединяется к максимальной проекции YP, в нем помещаются фразовые категории, XP) и компонентом этой вершины (который присоединяется к вершине и в котором также помещаются фразовые категории, XP). Эта базовая структура может опционально расширяться посредством адъюнкции как к вершине, так и ко всей структуре:

(33)

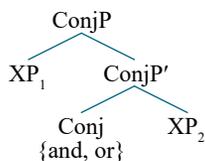
Если мы имеем дело с двумя конъюнктами и одним сочинительным союзом, за счет различной позиции в структуре второй конъюнкт описывается как внутренний, а первый — как внешний по отношению к сочинительному союзу. Постулируется, что синтаксическая связь внутреннего конъюнкта с сочинительной вершиной теснее, чем у внешнего конъюнкта, см. среди прочих [Zhang 2010]. Сочинительный союз считается вершиной, второй конъюнкт — компонентом этой вершины, а для первого конъюнкта в литературе представлены два основных варианта анализа: (а) первый конъюнкт располагается в спецификаторе вершины, которая содержит сочинительный союз, см. (34а) [Kaune 1994; Zoerner 1995; Johannessen 1998; 2005; den Dikken 2006; Zhang 2010; Weisser 2022], или же (б) вершина, в которой располагается сочинительный союз, является адъюнктом к первому конъюнкту, см. [Moltmann 1992; Munn 1993; te Velde 2000: 65–66; Kandybowicz 2006], см. (34б):

²⁸ Где сочинительный союз — энклитика.

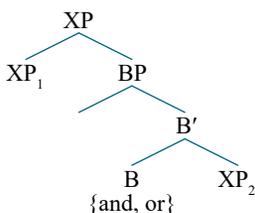
²⁹ Где сочинительный союз — проклитика.

³⁰ См., например, [Zhang 2010] с более ранней литературой. Существуют и другие традиции объяснения сочинительных конструкций, в том числе и в генеративной парадигме, см., например, [Neeleman et al. 2023]. Мы используем выбранную парадигму исключительно по прагматической причине ее доминирования в теоретической литературе.

(34) a.

b.

Подчеркнем, что для наших целей (34a) и (34b) равноценны. В литературе также представлены разные позиции относительно природы вершины, в которой находится сочинительный союз. Доминирующим является представление, согласно которому эта вершина специализирована для сочинения, при этом она получает различные ярлыки — &⁰ [Weisser 2022], J⁰ [den Dikken 2006], Conj⁰ [Johannessen 2005] и др. Самым экономным является предположение Н. Чжан [Zhang 2010], которая не выделяет отдельной проекции для сочинения, а постулирует проекцию той же категориальной природы, что и конъюнкты. Иными словами, если сочиняются две CP (клаузы), то и сочинительный союз будет находиться в C⁰.

Если сочинительный союз является клитикой, на синтаксическую структуру накладывается постсинтаксический компонент деривации для того, чтобы обеспечить требуемую позицию союза (вторую в случае энклитик второй позиции), если она не достигается уже в ходе синтаксической деривации³¹. Таким образом, мы используем просодико-синтаксический подход к деривации второй позиции³². Основным механизмом этой части деривации считается просодическая инверсия [Halpern 1992; 1995]³³, примерно те же задачи вы-

³¹ Важно подчеркнуть, что сочинительные союзы часто не рассматриваются в числе прочих (сентенциальных) клитик, см. [Зализняк 2008; Циммерлинг 2013: 41] на русском и славянском материале. У этого решения есть объективные основания: когда сочинительные союзы соединяют группы внутри предложения, их область клитизации меньше, чем у сентенциальных клитик. Когда они соединяют клаузы, их область клитизации может быть аналогичной области клитизации сентенциальных клитик или же может отличаться от области клитизации сентенциальных клитик, см. традицию описания древнегреческих и ведийских клитик [Hale 1987; 1996; 2007; 2017; Goldstein 2016; Goldstein, Haug 2016], где эти области клитизации последовательно противопоставляются. Сочинительные союзы-клитики также не входят в клитические кластеры [Циммерлинг 2013: 40–41, 45], за редкими исключениями [Там же: 47].

³² См. его применение на материале славянских (прежде всего, южнославянских) языков [Franks, King 2000; Vošković 2001]. Сюда же относятся и крайне влиятельные более ранние работы [Halpern 1992; 1995], а также многочисленные работы в рамках дистрибутивной морфологии [Marantz 1988; Embick, Noyer 2001; Arregi, Nevins 2012; 2018] и многие другие. В современной лингвистике данная парадигма является однозначно доминирующей, хотя и не единственной, см. обзор существующих точек зрения в [Franks, King 2000] и более новой работе [Zimmerling, Kosta 2013]. Аргументы в пользу смешанной просодико-синтаксической модели мы приводим при анализе конкретных фрагментов дистрибуции *da*.

³³ По сути вариант этого механизма представлен в [Agbayani, Goldston 2010] и [Bruening 2021], с тем отличием, что в их варианте происходит не постсинтаксическое перемещение клитики в позицию за первым ударным словом, а подъем первого ударного слова в позицию перед клитикой.

полняет локальная дислокация [Embick, Noyer 2001: 576] или обобщенная редупликация [Harris, Halle 2005; Arregi, Nevins 2012; 2018].

Вторая позиция сочинительного союза, как и любой клитики, достигается внутри некоторого определенного синтаксического отрезка — области клитизации. Иными словами, клитика второй позиции будет второй по отношению к определенной части высказывания [Klavans 1995: 101; Bošković 2001; Spencer, Luís 2012: 67–69], наиболее частотно по отношению к синтаксически определяемым единицам — CP (клауза) или DP (именная группа), см., например, [Anderson 2005: 145]. Для сочинительных союзов область клитизации совпадает с границами конъюнктов (которые могут быть представлены единицами разного размера — клаузами, глагольными и именными группами и т. п.). При этом достаточно нетривиальным для клитик второй позиции образом в литературе³⁴ считается, что область клитизации именно для сочинительного союза-клитики ограничена **вторым** конъюнктом, как мы видим, например, в (26) и (27) из северных русских говоров и в следующем примере из латыни:

(35) латинский [Embick, Noyer 2001: 575]

а. исходная синтаксическая структура

[[*bon-ī* *puer-ī*] [-*que* [*bon-ae* *puell-ae*]]]
 хороший-NOM.PL.M мальчик-NOM.PL.M и хороший-NOM.PL.F девочка-NOM.PL.F
 ‘хорошие мальчики **и** хорошие девочки’

б. финальная линейризованная структура

[[*bon-ī* *puer-ī*] [*bon-ae=que* *puell-ae*]]]
 хороший-NOM.PL.M мальчик-NOM.PL.M хороший-NOM.PL.F=и девочка-NOM.PL.F
 ‘хорошие мальчики **и** хорошие девочки’

В генеративизме постулируется, что область клитизации сочинительного союза **обязательно ограничена** вторым конъюнктом, см., например, [Zhang 2010]. Это следствие синтаксической структуры, в которой второй конъюнкт является комплементом вершины — сочинительного союза. Первый же конъюнкт располагается в спецификаторе той же вершины. Более тесная связь комплемента с вершиной, чем спецификатора с вершиной соответствующей проекции, является общим принципом генеративной лингвистики. Типологически ориентированные исследования, например, [Stassen 2000: 14; Haspelmath 2007: 8–10] приводят материал, в котором, как представляется на первый взгляд, область клитизации для сочинительных союзов включает и первый конъюнкт. Мы видели эту более редкую стратегию выше в (30). Она представлена как одна из моделей в северных русских говорах в примерах (23) и (24а–с). Впрочем, в генеративизме это не составляет проблемы: в языках правого ветвления (к которым относятся языки с порядками и VSO, и SVO) сочинительный союз, находясь между конъюнктами, обычно образует одну составляющую с правым конъюнктом, а в языках левого ветвления — с левым [Zhang 2010: 13]³⁵. При таком подходе синтаксическая структура всегда единообразна, поскольку правый конъюнкт

³⁴ В том числе и вне генеративной традиции, см., например, [Stassen 2000: 10] без упоминания области клитизации и клитик вообще.

³⁵ В типологических исследованиях проводится корреляция позиции сочинительного союза с базовым порядком слов: постулируется, что энклитический союз в сочинительных конструкциях представлен в языках SOV, а проклитический — в языках VSO [Stassen 2000: 15; Haspelmath 2007: 9]. При этом в [Stassen 2000: 15] вводится корреляция между проклитическим союзом и базовым порядком слов с **начальной** позицией глагола, что просто неприменимо к русскому материалу. Однако в [Neeleman et al. 2023: 56] гипотеза о проклитическом характере сочинительного союза расширяется на языки SVO. В [Ibid.: 79] также предполагается, что модель A-&B-&(C-&D-&) ограничена языками OV и, более того, что сочинительные союзы с такой дистрибуцией не являются соединительными элементами (линкерами).

в языках правого ветвления и левый конъюнкт в языках левого ветвления являются компонентами сочинительного союза. Соответственно, сочинительный союз всегда в этом подходе образует одну составляющую со своим компонентом: и когда его компонент — левый конъюнкт (как в классическом тибетском и японском [Zhang 2010: 13]), и когда его компонент — правый конъюнкт (как в литературном русском).

Однако некоторые языки, в которых сочинительный союз образует составляющую с первым конъюнктом, не признаются левоветвящимися, как, например, осетинский [Lyu-tikova, Tatevosov 2009] и русские диалекты (как и литературный русский язык [Bailyn 2011: 7]). Таким образом, эти случаи свидетельствуют, что сочинительные союзы могут образовывать составляющую не только со вторым конъюнктом.

4.2. Тип [X=&] [Y] в формальных моделях языка и вторая позиция

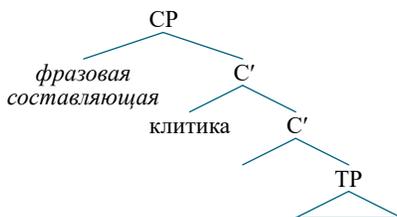
В разделе 1.2 мы показали, что сочинительный союз *да* в северных русских в ряде контекстов является энклитикой, т. е. демонстрирует ограничение второй позиции.

Теперь необходимо обсудить, как ограничение второй позиции удовлетворяется в синтаксисе. Сначала мы рассмотрим общие принципы, применимые к подавляющему большинству явлений второй позиции в языках мира (и северных русских говорах, в частности). Выше было отмечено, что мы следуем формальной модели деривации второй позиции, когда соответствие ее ограничениям достигается в два этапа: сначала на уровне синтаксиса и только потом, если она не удовлетворена на уровне синтаксиса, постсинтаксическими модификациями синтаксической структуры.

Неформально опишем эти процессы подробнее. Сначала клитика занимает некоторую синтаксическую позицию, выделенную для клитик. Если в этой синтаксической позиции она оказывается линейно (в непосредственно наблюдаемом порядке) после другого элемента, который находится в своей позиции также по причине синтаксического передвижения, то ограничение второй позиции для данной клитики удовлетворяется уже в синтаксисе. Если же при подъеме в некоторую синтаксическую позицию, выделенную для клитик, данная клитика оказывается линейно первой в клаузе, происходят изменения ее позиции, которые уже не регулируются синтаксическими механизмами и служат единственно для того, чтобы клитика оказалась неначальной в клаузе.

Теперь перейдем к изложению этих процессов в терминах современной генеративной лингвистики. Как известно, в генеративизме структура клаузы представляется в виде дерева со слоями CP, TP и VP. Для того понимания клитизации, которому мы следуем, нам важен только верхний слой CP. В языках, в которых, как предполагается, клитики адъюнгируются в синтаксисе к C⁰ как вершины³⁶, ограничение второй позиции может быть удовлетворено уже на уровне синтаксиса, если какой-то фонологически ненулевой материал поднимается в Spec,CP (или порождается там), как показано в (36):

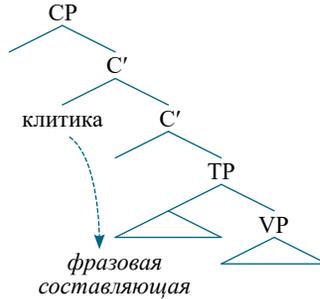
(36)

³⁶ Для славянских языков эта модель представлена в [Franks, King 2000].

В таком случае постсинтаксические преобразования уже не требуются. Они вступают в действие, только если в синтаксисе спецификатор C^0 не занят составляющей. В рамках постсинтаксических преобразований происходит перемещение клитики внутрь ближайшего фонологического материала, который располагается линейно справа, а структурно — в ближайшую фонологически выраженную составляющую, которой *s*-командует клитика:

(37)

Мы вернемся к постсинтаксическому компоненту ниже. Для нас сейчас важно, что ограничение второй позиции первоначально может быть достигнуто в синтаксисе. Наиболее частотным в языках мира синтаксическим механизмом является подъем материала в **спецификатор** вершины, в которую поднимаются клитики (например, C^0), или его наличие в этой позиции в случае порождения в ней. Именно такой анализ предлагается, например, для ведийского:

(38) ведийский [Hale 1996: 192]

utá=po *'hir* *budhnyò* *máyas* *kah*
 также=нам.DAT.PL Ахи.NOM.SG Будхнья.NOM.SG магическая_сила.ACC.SG сделать.PST.3SG
 'И Ахи Будхнья сделал **для нас** магическую силу' (RV 1.186.5a).

Этот пример в [Hale 1996: 192] анализируется следующим образом: клитика *po* 'нам' поднимается в C^0 , первая позиция для нее обеспечивается ударным наречием *utá* 'также', которое порождается в *S*pec,CP. Таким образом, требование второй позиции обеспечивается полностью в синтаксисе и никакие постсинтаксические процессы в такого рода контекстах не происходят.

Это довольно абстрактное отступление необходимо для демонстрации тривиальной с точки зрения ограничения второй позиции идеи, если мы отвлекаемся от второй позиции клитик — сочинительных союзов: материал в спецификаторе той вершины, в которую поднимаются клитики, является первым кандидатом на удовлетворение их ограничения второй позиции. Следовательно, и областью клитизации является вся структура — спецификатор вершины, вершина и комплемент вершины. Важно, что такой синтаксический механизм деривации второй позиции работает при действии универсального принципа, что любой комплемент демонстрирует более тесную связь с вершиной, чем спецификатор. Тем не менее в обычном случае это не ограничивает область клитизации лишь комплементом вершины. Эта идея является стандартной для исследований по второй позиции sententialных клитик в языках мира [Hale 1996; Franks, King 2000; Bošković 2001], но совершенно непривычна для исследования клитических союзов в сочинительных конструкциях. Для сочинительных конструкций область клитизации в теоретических работах ограничивают комплементом соответствующей вершины.

Мы увидели выше на материале северных русских говоров в примерах (23) и (24a–c), а также, как минимум, в осетинском (30a), что, наряду с той единственной для теоретиков генеративизма областью клитизации, ограниченной комплементом вершины — сочинительного союза, представлена и область клитизации, идентичная стандартно

постулируемой для ограничения второй позиции и включающая в себя всю структуру — от спецификатора до комплемента.

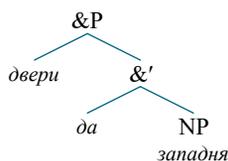
В терминах генеративной грамматики это означает, что в сочинительных конструкциях область клитизации может включать 1) всю сочинительную структуру, в том числе материал в спецификаторе (= первый конъюнкт), либо 2) лишь комплемент вершины сочинительной структуры (= второй конъюнкт). В первом случае в непосредственно наблюдаемом (линейном) порядке слов энклитический сочинительный союз находится после последнего слова первого конъюнкта, а во втором он находится после последнего слова второго конъюнкта. В любом случае сочинительный союз клитизуется к синтаксической составляющей (которая может быть разного размера — к клаузе, именной или глагольной группе), а не к первому фонетическому слову составляющей.

Если с точки зрения второй позиции область клитизации сочинительного союза, включающая и спецификатор (= первый конъюнкт), и комплемент (= второй конъюнкт) является обычной и ожидаемой³⁷, то более распространенная область клитизации, включающая лишь комплемент вершины — сочинительного союза, совершенно неожиданна с точки зрения формальных представлений второй позиции и как раз требует объяснений. В данной работе мы лишь констатируем, что засвидетельствованное распределение является проблемой, концептуальное решение которой оставляем на будущее.

4.3. Тип [X=*da*] [Y] в северных русских говорах в формальных моделях языка

Теперь применим все введенные в разделах 4.1–4.2 общие положения об устройстве ограничения второй позиции к материалу северных русских говоров на примере (24а) *вот на хуторе-то там были двери да, западня*, рассмотренном выше. Как мы установили, в данном случае сочиняются два конъюнкта — именные группы — *двери* и *западня*. В синтаксисе мы имеем дело со следующей структурой:

(39) а.

Союз *да* в данном случае является энклитикой и требует определения области клитизации, в которой бы было удовлетворено его ограничение второй позиции. Область клитизации при реализации этой сочиненной структуры в речи задает первый конъюнкт *двери*³⁸. Следовательно, *да* клитизуется к первому конъюнкту на уровне синтаксиса, поскольку уже на уровне синтаксиса удовлетворено его требование, чтобы слева от него был некий элемент.

Таким образом, подводя итог этой части исследования, отметим, что материал северных русских говоров, а именно модель [[X=*da*] [Y]], нетривиальна с точки зрения теоретических

³⁷ Разумеется, лишь в той парадигме, в которой первый конъюнкт находится в спецификаторе вершины — сочинительного союза. Впрочем, если предположить, что второй конъюнкт адьюнгируется к первому, эта позиция сочинительного союза-энклитики при первом конъюнкте вообще непонятна.

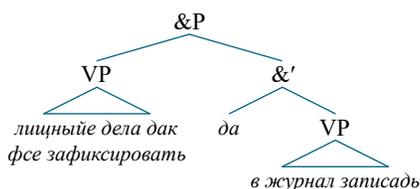
³⁸ Важно, что на обоих этих этапах в данной системе заложено свободное варьирование двух типов — во-первых, *да* может реализоваться и как проклитика. А, во-вторых, его область клитизации может быть ограничена вторым конъюнктом.

подходов к клитизации в сочинительных структурах и позволяет существенно расширить теоретические наблюдения над этим фрагментом синтаксиса.

Также отметим, что при учете как просодии, так и синтаксиса, диалектный русский материал однозначно свидетельствует о том, что в случае клитизации союза-энклитики к первому конъюнкту область клитизации ограничена только первым конъюнктом, а не распространяется на оба конъюкта, см. (29а) выше ([конъюнкт₁] [да [конъюнкт₂]]_{область клитизации} → [конъюнкт₁] [да <<[конъюнкт₂]] → [конъюнкт₁] [конъюнкт₂]=да).

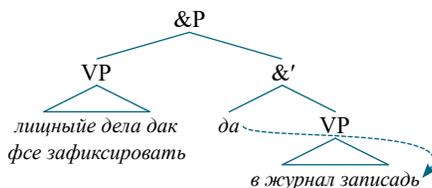
В случае если при реализации сочинительной структуры *да* функционирует как энклитика, но область ее клитизации задает второй конъюнкт, мы прибегаем к постсинтаксическому компоненту в деривации, поскольку в определенной области клитизации (равной второму конъюнкту) *да* является первым, что запрещено для энклитики. Этот дополнительный постсинтаксический механизм показан в примере, приведенном выше как (25) *лицные дела дак надо фсе зафиксировать / в журнал записать=да*. На уровне синтаксиса он идентичен (39а), за тем исключением, что в данном случае мы имеем дело с сочинением глагольных групп, что продемонстрировано в (39b):

(39) б.

Поскольку при ограничении области клитизации вторым конъюнктом (*в журнал записать*) союз-энклитика *да* оказывается в первой позиции, включается постсинтаксический механизм, с помощью которого клитика перемещается в позицию после второго конъюкта, который, таким образом, функционирует как первая позиция для *да*. Мы видим это в (39с). В результате применения постсинтаксического преобразования в (39с) мы получаем засвидетельствованную последовательность *лицные дела дак надо фсе зафиксировать / в журнал записать=да*.

(39) с.

5. Энклитика и проклитика

Возвращаясь к сосуществованию в северных говорах русского языка и энклитических, и проклитических употреблений сочинительного союза *да*, обсудим, как его можно описать с формальной точки зрения. Наиболее простым представляется решение, предложенное в [Weisser 2020; 2022; 2024]: в проклитическом употреблении *да* является обычной клитикой, позиция которой не отличается от полноударного слова с той же функцией³⁹,

³⁹ В русском языке нет полноударных сочинительных союзов, ближайшим эквивалентом был бы *а также*. Обычные клитики отличаются от специальных клитик тем, что их дистрибуция идентична дистрибуции самостоятельных просодических слов.

а в энклитическом — специальной клитикой, которая требует постсинтаксического компонента деривации.

В свете этих предположений *да*, при ограничении области клитизации вторым конъюнктом [X] [*да* Y], ведет себя по-разному в зависимости от того, является ли он энклитикой или проклитикой. Как энклитика он обязательно передвигается с помощью постсинтаксических механизмов вправо (клитизуясь после второго конъюнкта, который, таким образом, обеспечивает заполнение первой позиции; второй конъюнкт и энклитика *да* образуют одну интонационную группу). В случае же если *да* выступает как проклитика, он остается в той позиции, в которой он порожден в синтаксисе, клитизуясь перед вторым конъюнктом (к первому фонетическому слову второго конъюнкта и образуя с ним одну интонационную группу). Таким образом, постсинтаксическое преобразование требуется только для энклитического союза *да* в качестве специальной клитики, в своем проклитическом употреблении сочинительный *да* не требует постсинтаксических преобразований в качестве простой клитики — в этом случае *да* сохраняет ту позицию, которую он занимает в синтаксисе [X] [*да* Y] → [X] [*да*=Y].

Важным следствием такого понимания является то, что оно объясняет отсутствие структур типа *[*да*=X] [Y] с проклитическим сочинительным союзом. Они невозможны, потому что проклитический сочинительный союз, по крайней мере в северных русских диалектах, находится только в той позиции, которую он занимает в синтаксисе — [X] [*да*=Y] < [X] *да* [Y], и не подвергается постсинтаксическим трансформациям. Как представляется, эта гипотеза находит подтверждение в более широком материале не только северных диалектов, но и литературного русского языка, в котором проклитики (например, предлоги и, собственно, сочинительные союзы типа *и*, *да*) не подвергаются дополнительным постсинтаксическим трансформациям, а занимают то место, в котором они находятся синтаксически.

6. Удвоенный союз *да*: описание материала

Важно отметить, однако, что разобранными в разделе 2 вариантами дистрибуция *да* в северных русских говорах не исчерпывается. В нашем материале представлен и еще один вариант — с удвоенным как проклитическим, так и энклитическим употреблением *да* при одном конъюнкте:

(40) О еде (Ольховицы, Кирилловский р-н, Вологодская обл., 2006)

1. *грибы дак* /
2. *воўнушки=да* /
3. *рыжыки =да* /
4. *маслухи=да* /
5. *да=банки=да* //⁴⁰

Этот тип стандартно выделяется в описаниях северных русских говоров⁴¹ начиная как минимум с [Шапиро 1953]. Несмотря на то, что мы ограничиваем анализ контекстами с одним сочинительным союзом между двумя конъюнктами, в примере (40) мы продемонстрировали конструкцию с серийными сочинительными союзами *да* при каждом конъюнкте, выраженном именной группой, чтобы четче увидеть специфику удвоенного *да*. Так, при каждом из предшествующих конъюнктов 2–4 в примере (40) мы видим обычный энклитический сочинительный союз *да*, который мы подробно разбирали выше, сочиняющий

⁴⁰ Фонетический комментарий к упрощенной транскрипции: 2. *волнушки* (апикальный [л] в говорах может чередоваться в слабой позиции (перед некоторыми согласными и в конце слова) с неслоговым [ʎ], ср. 4); 5. *бабки* (особый вид грибов), оглушение на стыке с глухим шумным ([б]–[п]).

⁴¹ За исключением работ [Post 2005; 2014], в которых он не упоминается.

в данном случае именные группы. На этом фоне союз ожидается и в конъюнкте 5. Там он представлен в удвоенном виде: при именной группе 5 примера (40) одновременно присутствует и проклитическая, и энклитическая форма одного и того же союза (*да=банки=да* ‘и бабки’). Этот пример, как представляется, свидетельствует в пользу того, что обе формы *да* при одном конъюнкте представляют собой фонетические реализации **одного** союза. Подчеркнем, что удвоенное употребление *да* при одном конъюнкте отличается от двух (и более) повторяющихся союзов *да* при разных конъюнктах. Мы увидели последние выше в (6) в качестве проклитик при двух разных конъюнктах и в (9) в качестве энклитик при двух разных конъюнктах. В обоих примерах мы видим отдельные интонационные контуры при каждом из конъюнктов, разделенных паузами, что говорит о том, что синтаксическая составляющая (конъюнкт, выраженный именной группой) представляет собой отдельную интонационную фразу. Каждый из повторяющихся союзов *да* является частью этой отдельной интонационной группой (равной конъюнкту). Иную картину мы видим в примере (16), который мы также уже разбирали выше.

Важно, что в механизмах, стоящих и за проклитическим, и энклитическим типами, маркирование сочинительной связи при конъюнкте и при серийном употреблении сочинительного союза при каждом конъюнкте в 5 в (40) выше, и при одиночном употреблении сочинительного союза в (16) выше является избыточным. В данных говорах в одном контексте употребляется либо только проклитический, либо только энклитический союз, поэтому ожидалось бы *банки=да*⁴². Таким образом, речь явно идет о дублировании, избыточной стратегии, которая, тем не менее, как стратегия представлена в языках мира.

Вернемся теперь к рассмотрению одиночного союза *да*, реализованного как две копии на одном из конъюнктов. Пример (40) не изолирован, в нашем корпусе встречаются и другие аналогичные примеры:

(41) О еде (Ольховицы, Кирилловский р-н, Вологодская обл., 2006)

1. *На поўках (на полках) дёржали*

2. *хлеб /*

3. *да=фсё=да //*

4. *посуда диеревянная раньшы была / фшё больше диеревянная //*

Мы интерпретируем пример как ‘1. на полках держали 2. хлеб, 3. и все (прочее)’. При этой интерпретации у нас есть два конъюнкта — *хлеб* и *всё*. Связь между ними избыточно маркируется союзом *да* и проклитически, и энклитически на втором конъюнкте. В основном этот тип засвидетельствован при сочинении именных групп⁴³, как показывают примеры (42a–b), но встречается и при сочинении клауз, ср. (42c):

(42) а. О еде (Ольховицы, Кирилловский р-н, Вологодская обл., 2006)

1. *А раньшы никаких овощей не было / одна капуста / насолиши капусты //*

2. *ну капусты то назбирайеш да /*

3. *эти кадушки рыжыкоу насолиши*

4. *да=капусты=да //*

5. *поставиши остынуть /*

б. О еде (Ольховицы, Кирилловский р-н, Вологодская обл., 2006)

1. *Прауда лук то /*

2. *да чеснок то /*

3. *это то садили //*

4. *наростёт луку /*

5. *да=чесноку=да //*

6. *варить то варили // кто в газах то жыў варили / а кто не жыў дак не варили //*

⁴² В (16) либо *да молока*, либо *молока да*.

⁴³ Именно в таком распределении он представлен в нашем устном подкорпусе, см. пример (16) выше.

- с. Детство (Мегорский погост, Вытегорский р-н, Вологодская обл., 1986)
1. *А здесь у нас жили все таки представительные /*
 2. *прокурор жил /*
 3. *да следовательно жил да /*
 4. *главный врач... участковый /*
 5. *тут была больница // — Они как на квартире что ли?*

Среди рассмотренных в разделе 2 типов удвоенный союз является самым редким в обоих подкорпусах. В вологодском подкорпусе НКРЯ он представлен лишь 10 раз (7 % от 147 релевантных контекстов вообще) в нашем корпусе при 46 проклитических (31 %) и 28 энклитических (19 %) употреблении (63 раза, 43 %, происходит нейтрализация, и мы в фиксации письменной речи не можем определить, имеем ли дело с энклитикой или проклитикой). В 6 случаях из 10 употреблений удвоенного союза (60 %) это единственный маркер сочинительной структуры. Во всех таких случаях он употребляется при втором конъюнкте.

(43) [конъюнкт₁] [да [конъюнкт₂]]_{область клитизации} → [конъюнкт₁] [да=[конъюнкт₂]=да]

Важно, что и здесь представлена та же область клитизации, что и при проклитическом употреблении, и та, которая доминирует при энклитическом употреблении — охватывающая только комплемент сочинительного союза-вершины.

Тип (43) — единственный, который может использоваться в рамках одной сочинительной структуры одновременно с двумя другими типами — двойным или серийным *да* так, что при одном конъюнкте употребляется удвоенный союз, а при других конъюнктах употребляются одиночные энклитические или проклитические союзы. Такие структуры засвидетельствованы в четырех контекстах (40 % от всех употреблений удвоенного *да*). В двух из них (20 %) при других конъюнктах используется проклитический сочинительный союз (при втором конъюнкте представлен проклитический союз, при третьем — двойной), а в двух других из них (20 %) при других конъюнктах употребляется энклитический *да* (при каждом конъюнкте). Эти контексты не составляют проблемы для предложенного выше формального представления, так как в таких случаях союзы проставляются отдельно для каждого конъюнкта.

7. Удвоенный союз *да*: объяснение материала

На первый взгляд удвоение сочинительного союза трудно вписать в формальный механизм деривации второй позиции, который мы изложили в разделе 4. Однако это не вполне так, и в литературе по второй позиции был предложен способ свести этот тип к энклитическому.

Мы отметили в предыдущем разделе, что область клитизации при типе с удвоением союза идентична области клитизации для сочинительного союза, которая охватывает второй конъюнкт, таким образом, в синтаксисе мы имеем [X] [& Y] в качестве отправной точки для дальнейших постсинтаксических преобразований. Теперь перейдем к механизму, который вызывает постсинтаксическое перемещение клитики внутри области клитизации [& Y]. Выше мы отметили, что в формальной традиции представлены три основных варианта этого механизма: просодическая инверсия, локальная дислокация и обобщенная редупликация. Просодическая инверсия и локальная дислокация дают одинаковые результаты и часто считаются в литературе реализациями единого механизма [Embick, Noyer 2001; Weisser 2022]. В отличие от них, обобщенная редупликация способна объяснить большее количество непосредственно наблюдаемых конструкций, как просто перемену мест элементов, так и их удвоение, что особенно значимо в свете примеров с удвоением сочинительного союза в северных русских говорах.

Рассмотрим механизм обобщенной редупликации более детально в его последней на настоящий момент версии в работе [Arregi, Nevins 2018]. Обобщенная редупликация оперирует на линейно определенном сегменте предложения, который маркируется при помощи квадратных скобок и который мы условно обозначим ниже как АВ. Сама операция состоит во введении трех типов угловых скобок в эту последовательность элементов⁴⁴. В зависимости от типа скобки происходит редупликация трех типов с устранением определенной части материала:

(44) а. $[A > B] \rightarrow \overline{A}B\overline{A}B \rightarrow \overline{A}B\overline{A}$

б. $[A < B] \rightarrow \overline{A}B\overline{A}B \rightarrow \overline{A}B\overline{B}$

с. $[A \times B] \rightarrow \overline{A}B\overline{A}B \rightarrow \overline{A}B$

Таким образом, данный механизм способен объяснить сразу несколько типов изменений порядка слов. В случае (44с) мы получаем то самое постсинтаксическое преобразование, которое по своему результату идентично просодической инверсии и которое стандартно используется для тех случаев, когда клитика в результате синтаксической деривации оказывается в первой позиции в своей области клитизации и инвертирует с элементом справа от себя, чтобы попасть во вторую позицию. При этом в случае (44а–б) мы из той же начальной последовательности получаем и удвоение одного из элементов первоначальной цепочки.

Как можно заметить, механизм именно с такой большей объяснительной силой выглядит особенно перспективно для анализа материала северных русских говоров, который мы описали в разделе 6 и который, что еще более важно, сосуществует с реализацией более обычного принципа (44с) в виде $[X] [\text{да } Y] \rightarrow [X] [Y=\text{да}]$ и $[X \text{ да}] [Y] \rightarrow [X=\text{да}] [Y]$ в тех же самых диалектах. Теперь мы перейдем к более подробному анализу русского диалектного материала в терминах этого формального механизма.

Тип сочинительной конструкции с удвоением союза при втором конъюнкте — одновременно проклитического и энклитического употребления сочинительного союза *да* при одном и том же конъюнкте, который оставался загадкой для предыдущих исследователей, напрямую сводим к типу (29а) $[\text{конъюнкт}_1] [\text{да } [\text{конъюнкт}_2]]_{\text{область клитизации}} \rightarrow [\text{конъюнкт}_1] [\text{да} \times [\text{конъюнкт}_2]] \rightarrow [\text{конъюнкт}_1] [\text{конъюнкт}_2]=\text{да}$ с одиночным энклитическим сочинительным союзом при втором конъюнкте, но с одним уточнением. В этом типе с удвоением союза, как и в типе (29а) без его удвоения, союз исходно (на уровне синтаксиса) также располагается между двумя конъюнктами $[\text{конъюнкт}_1] [\text{да } [\text{конъюнкт}_2]]$, при этом его область клитизации ограничена вторым конъюнктом. Поскольку сочинительный союз в данном случае — энклитика, его финальная позиция определяется постсинтаксическим механизмом. Выше, при объяснении примера (29а), было отмечено, что в литературе представлены три варианта этого постсинтаксического механизма — просодическая инверсия, локальная дислокация, обобщенная редупликация — и что примеры типа (29а) с одинаковой адекватностью объясняются любым из этих трех механизмов. Однако именно тип (40–42) $\text{да}=[\text{конъюнкт}_2]=\text{да}$ показывает, что постсинтаксическим механизмом, применимым к (29а) (и к 40–42), является обобщенная редупликация [Harris, Halle 2005; Arregi, Nevins 2012; 2018]. Как уже упоминалось, обобщенная редупликация — это постсинтаксический механизм, который исправляет синтаксическую структуру, чаще всего для тех клитик, для которых ограничение второй позиции не удовлетворяется на уровне синтаксиса. Ее самым важным отличием от остальных постсинтаксических механизмов, предлагавшихся для деривации позиции клитик, является то, что она может реализовываться несколькими разными способами в зависимости от того, какой тип угловых скобок проставляется в ту последовательность элементов, на которой она действует. Сейчас мы остановимся на двух

⁴⁴ Фактически скобка является формализацией постсинтаксического преобразования синтаксической структуры.

из них, релевантных для русского диалектного материала. Различия между ними состоят в типе скобки, которая задает результирующую линейную позицию сочинительного союза. Так, в соответствии с (45a–b), синтаксическая последовательность [конъюнкт₁] [да [конъюнкт₂]] может быть постсинтаксически трансформирована двумя способами:

- (45) а. [конъюнкт₁] [да >< [конъюнкт₂]] → [конъюнкт₁] [[конъюнкт₂] да]
 б. [конъюнкт₁] [да > [конъюнкт₂]] → [конъюнкт₁] [да [конъюнкт₂] да]

Первый тип реализации (45a) дает нам энклитическую структуру *рыжыки=да*, которую мы видели в (29a) выше, а второй (45b) — структуру с удвоением *да=банки=да* типа (40), но важно то, что оба типа имеют в своей основе одну синтаксическую структуру сочинительной конструкции [конъюнкт₁] [да [конъюнкт₂]] и единый постсинтаксический механизм, а также то, что именно обобщенная редупликация является единственным постсинтаксическим механизмом, который может одновременно объяснить линейную структуру сочинительных конструкций и с энклитическим союзом в (45a), и с удвоением союза в (45b). Как мы отмечали выше в разделе 5, структуры с проклитическим сочинительным союзом не требуют дополнительного постсинтаксического механизма.

Сама по себе возможность (45b) определяется наличием как проклитических, так и энклитических вариантов союза *да*, мы более подробно остановимся на этой важной характеристике в следующем разделе.

Важно, что системы, в которых реализуются одновременно (45a) и (45b), хорошо известны в типологической и теоретической литературе. Наиболее исследованной является система баскских клитик в описании [Arregi, Nevins 2012]⁴⁵. Для баскского основные проявления этого механизма ограничены клитиками множественного числа [Ibid.: 263–273] и эргативными клитиками [Ibid.: 274–293], хотя в диалектах эти же явления представлены и для дативных, и для аллокутивных клитик [Ibid.: 303–321]. Мы проиллюстрируем их на примере клитик множественного числа.

Баскские клитики множественного числа ведут себя по-разному в двух типах контекстов. В случае с дативными и эргативными клитиками сначала следует клитика лица, а затем — клитика множественного числа, причем клитики расположены в непосредственной линейной близости:

- (46) а. *Ikus-i n -a -su -e -n*⁴⁶.
 видеть-PRF CL.ABS.1.SG -PST.1.SG -CL.ERG.2 -CL.ERG.PL -CPST
 ‘Вы увидели меня’ (бискайский диалект, говор Лекейтио) [Arregi, Nevins 2012: 264].
 б. *Eur-ai ardau-Ø gusta-ten g -a -ko -e*.
 им-DAT.PL вино-ABS.SG нравиться-IMP L -PRS.3.SG -CL.DAT.3 -CL.DAT.PL
 ‘Им нравится вино’ (бискайский диалект, говор Ондарру) [Ibid.: 264].

Однако если клитика лица абсолютивная, то последовательность иная:

- (47) *Bixitze bi ego-n s -intz -e -n suo-k*.
 жизнь два быть-PRF CL.ABS.2 -PST.2.PL -CL.ABS.PL -CPST ВЫ-ABS
 ‘Вы были там долгое время’ (бискайский диалект, говор Самудио) [Ibid.: 265].

В таких случаях клитика лица располагается слева от T, синкретического показателя времени, лица и числа, а клитика числа — справа от T⁴⁷. В формульном виде механизм,

⁴⁵ В дополнение к баскским данным в той же работе [Ibid.: 241–263] приводится выборка примеров из других языков.

⁴⁶ Здесь и далее в примеры из баскского языка приводятся в той форме, в которой они представлены в работах [Arregi, Nevins 2012; 2018].

⁴⁷ Таким образом, лицо и число маркируется дважды в словоформе.

постсинтаксически перемещающий клитику числа, описывается в работе [Arregi, Nevins 2012: 266] так:

$$(48) \begin{array}{l} Cl_{ABS} Cl_{PL} T \rightarrow \\ Cl_{ABS} [Cl_{PL} >> T] \rightarrow \\ Cl_{ABS} - Cl_{PL} T - Cl_{PL} T \rightarrow \\ Cl_{ABS} T Cl_{PL} \end{array}$$

Механизм (48) запускается просодическим ограничением. Он объясняет контексты типа (47) по сравнению с (46a–b), в которых он не действует.

При этом в отдельных говорах (Кортесуби) представлено и удвоение клитики множественного числа:

$$(49) \begin{array}{cccccc} s & -aitu & -e & -t & -e & \\ CL.ABS.2 & -PRS.2.PL & -CL.ABS.PL & -CL.ERG.1.SG & -CL.ABS.PL & \end{array}$$

форма вспомогательного глагола (бискайский диалект, говор Кортесуби) [Ibid.: 267, 270].

Механизм, лежащий в основе этого постсинтаксического передвижения, идентичен (48), за исключением направления угловой стрелки [Ibid.: 270]:

$$(50) \begin{array}{l} Cl X Cl_{PL} Y C_{AGR} \rightarrow \\ Cl X [Cl_{PL} < Y C_{AGR}] \rightarrow \\ Cl X - Cl_{PL} Y C_{AGR} - Cl_{PL} Y C_{AGR} \rightarrow \\ Cl X Cl_{PL} Y C_{AGR} Cl_{PL} \end{array}$$

Важно, что единый механизм, который приводит к образованию последовательностей типа (49) по сравнению с (46a–b) в баскском, идентичен тому механизму, который лежит в основе разнообразных вариантов дистрибуции *da* в северных говорах русского языка.

8. Проблемы анализа

В этом разделе мы обратимся к некоторым аспектам анализа, предложенного в разделе 7 для удвоенных клитик, в частности для удвоенного сочинительного клитического союза *da* в северных русских говорах, которые могут восприниматься как проблематичные, и покажем, что полученные там результаты скорее позволяют уточнить и эксплицировать некоторые другие фрагменты системы.

8.1. Сосуществование [[X] [Y=*da*]] и [[X] [*da*=Y=*da*]]

Напомним, что авторы [Arregi, Nevins 2012: 267, 269] не просто предлагают единый механизм для объяснения сосуществования вариантов типа *X da Y* и *X da Y da*, а формулируют и более сильное обобщение: они выдвигают гипотезу, что любое проявление обобщенной редупликации типа *X Y* → *Y X* во всех случаях **предполагает** и одновременное существование вариантов типа *X Y* → *X Y X* и *X Y* → *Y X Y*⁴⁸. На материале северных русских говоров мы видим подтверждение этой гипотезы. Крайне нетривиальным ее следствием является то, что, если мы принимаем обобщенную редупликацию как механизм реализации ограничения второй позиции для клитик, это действительно

⁴⁸ “The Generalized Reduplication formalism assumed here leads us to expect dialectal variants where plural clitics undergo Doubling instead of Metathesis: a simple change in the statement of a rule can have one or the other effect” [Arregi, Nevins 2012: 269].

позволяет объяснить классическое ограничение второй позиции ($[[X] [Y=da]]$), но и одновременно должно факультативно приводить к порядкам, в которых клитика находится в первой позиции ($[[X] [da=Y=da]]$). Однако такая дистрибуция крайне неожиданна с точки зрения эмпирического материала клитик. В северных русских говорах она действует, потому что клитический сочинительный союз является одновременно и энклитикой, и проклитикой, поэтому предсказание [Aregi, Nevins 2012] на этом материале реализуемо. Но как совместить предсказания гипотезы с материалом тех языков, в которых клитики являются строгими энклитиками? В таких языках потенциально возможные финальные порядки $X Y \rightarrow X Y X$ и $X Y \rightarrow Y X Y$ (с постсинтаксическим удвоением клитики) просто блокируются, так как они не соответствуют линейным постсинтаксическим ограничениям. Собственно говоря, сами авторы [Ibid.: 271] идут именно таким путем: тот факт, что в диалектах баскского языка метатеза клитики абсолютна множественного числа представлена повсеместно, а ее удвоение, напротив, не представлено, они объясняют тем, что реализация удвоения привела бы к нарушению морфосинтаксического правила, по которому перед показателем T может быть лишь одна морфема. Тот же ход рассуждений применим и к северным говорам русского языка: в них одновременно представлены типологически редкие удвоение и метатеза сочинительного союза ровно потому, что реализацию и $X Y \rightarrow Y X$, и $X Y \rightarrow X Y X$ позволяет как проклитический, так и энклитический характер сочинительного союза *да* в своих одиночных употреблениях в прочих контекстах.

Еще одним вопросом, который не получил решения в работах по обобщенной редупликации, является то, как именно соотносятся синхронно сосуществующие варианты $X Y \rightarrow Y X$, $X Y \rightarrow X Y X$ и $X Y \rightarrow Y X Y$. На проанализированном нами материале мы видим свободное варьирование $X da Y$ и $X da Y da$ в вологодском диалекте, что в целом вполне соответствует ожиданиям о том, что эти варианты являются линейными реализациями одного и того же постсинтаксического механизма. Тем не менее в традиции, которая стремится устранить в металингвистических описаниях свободное варьирование, ожидаются попытки развести варианты $X da Y$ и $X da Y da$ по разным контекстам, хотя априори сочинение не предполагает наличие выбора большого количества семантических и тем более структурных вариантов.

В этом плане значимым является и тот факт, что свободное варьирование между вариантами $X Y \rightarrow Y X$, $X Y \rightarrow X Y X$ и $X Y \rightarrow Y X Y$ на самом деле не является свободным в материале [Aregi, Nevins 2012]: в одних диалектах баскского языка представлена одна часть вариантов (с метатезой), а в других диалектах — другая (с редупликацией). В северных же русских говорах в одном идиолекте представлены оба варианта линейной реализации, что предполагает одновременную реализацию обоих вариантов постсинтаксического преобразования.

На нашем материале эмпирически наблюдаемое в языках мира наличие потенциально различных семантических типов сочинения (симметричное и асимметричное, сочинение клауз и групп, прототипическое и аддитивное сочинение) не соотносится с распределением $da Y \rightarrow Y da$ и $da Y \rightarrow da Y da$ в северных русских говорах, и следовательно, они находятся в свободном варьировании.

8.2. Альтернативный механизм деривации удвоенных клитик

Отметим, что в литературе предложен и другой механизм деривации клитик второй позиции, который предполагает, что подъем клитик из исходной в производную позицию осуществляется путем формирования цепочки копий этой клитики во всех синтаксически доступных для нее позициях. В обычном случае из этих копий произносится та, которая соответствует просодическому интерфейсу, чаще всего верхняя, но могут произноситься

и более низкие копии. В общем виде этот подход наиболее полно описан в работах [Franks, King 2000] и [Bošković 2001] как раз на материале славянских клитик.

Представляется, что данный механизм не просто альтернативен предложенному в разделах 4 и 7 (как считается, например, в [Pancheva 2005: 106]), а применим к клитикам, которые демонстрируют другую дистрибуцию. Основным диагностическим контекстом, по нашему мнению, является синтаксически обусловленная вторая позиция клитики.

Проиллюстрируем эту мысль на материале словенского языка. Вслед за обширной литературой по словенским клитикам [Franks, King 2000: 31–44, 226–229; Golden, Milojević Sheppard 2000; Marušič 2009] мы считаем, что механизм образования второй позиции в словенском не включает обобщенную редупликацию (см. раздел 7), а является следствием произнесения разных копий одной клитики, которые располагаются в доступных для нее синтаксических позициях. В пользу этого предположения говорит то, что клитики в словенском не могут находиться во второй позиции после фонетического слова, а определяют как свою первую позицию только синтаксическую составляющую [Franks, King 2000: 31–44, 219]. Так, в (51) мы видим, что клитика *je* следует за ветвящейся именной группой *tudi primernega konja*, которая состоит из трех фонетических слов:

(51) словенский [Bruening 2021: ex. 44]

Tudi primern-ega konj-a je kmalu naše-l.
тоже подходящий-М.СГ.АСС конь-М.СГ.АСС быть.3СГ скоро найТИ-ПТСР.М.СГ

‘Он тоже скоро нашел подходящую лошадь’.

В таком случае материал легко объясним либо в логике [Franks, King 2000] как подъем клитик в максимально высокую из доступных синтаксических позиций, либо в логике [Golden, Milojević Sheppard 2000] как подъем клитик всегда в C^0 с дополнительным подъемом составляющей в Спец,СР. При этом составляющая в обоих подходах может быть фонологически не выражена (что дает первую позицию клитик в словенском).

В литературе также хорошо известны и случаи, когда на этот чисто синтаксический механизм все же накладываются и просодические ограничения, а именно если составляющая не является самостоятельным просодическим словом, то первая позиция обеспечивается последовательностью составляющих, образующих одно просодическое слово, например маркер отрицания + финитный глагол (52а) или *že* ‘уже’ + ближайшая составляющая (53а). Сам по себе маркер отрицания и *že* ‘уже’ не могут служить первой позицией для клитик (52b) и (53b) [Marušič 2008; Marušič, Žaucer 2021; Bruening 2021]:

СЛОВЕНСКИЙ

(52) а. *Ne mara je.*
NEG любить.3СГ.ПРС ее

‘Он ее не любит’ [Marušič 2008: ex. 8с].

б. **Ne je mara.*

(53) а. *Že od včeraj mi je Peter dolžen pet evrov.*
уже от вчера мне быть.3СГ Петр.НОМ должен.М.СГ.НОМ пять.АСС евро.ГЕН

‘Петр уже со вчерашнего дня должен мне пять евро’ [Marušič, Žaucer 2021], цит. по [Bruening 2021: ex. 32].

б. **Že mi je od včeraj Peter dolžen pet evrov.*
уже мне быть.3СГ от вчера Петр.НОМ должен.М.СГ.НОМ пять.АСС евро.ГЕН

Эта дистрибуция клитик трактуется в пользу либо чисто фонетического [Marušič 2008; Marušič, Žaucer 2021], либо смешанного (просодико-синтаксического [Bruening 2021]) подхода к словенским клитикам. Отметим, тем не менее, радикальное отличие словенского материала от данных тех языков, в которых постсинтаксический компонент существенно более расширен и которые применяют обобщенную редупликацию в качестве

постсинтаксического механизма. В таких языках клитики обязательно разбивают любые синтаксические составляющие. Именно отсутствие такого разбиения в словенском и заставляет нас придерживаться синтаксического подхода к словенским клитикам с введением единственного постсинтаксического ограничения на то, что составляющая, не образующая отдельного просодического слова, не может обеспечивать первую позицию для клитик. Это ограничение, несомненно, вводит постсинтаксический компонент в деривацию, но не вводит необходимость прибегать к механизму обобщенной редупликации. Постсинтаксическое перераспределение в словенском просто объединяет те слова, которые не являются самостоятельными просодическими словами, с ближайшим самостоятельным просодическим словом и делает невозможным произнесение тех копий клитик, которые находятся справа от таких слов (частицы и маркера отрицания). Таким образом нам удалось объяснить отличие словенских фактов от северных русских.

Для основной темы данной статьи важно, что в применении к удвоению клитик в славянских языках эта модель (формирование цепочки клитик) использована в работе [Циммерлинг 2013: 496–497] для объяснения некоторых древнерусских фактов. А именно автор объясняет употребление двух кореферентных клитик одновременным произнесением двух копий клитики в синтаксически исходной и производной позициях, в отличие от стандартного произнесения лишь одной копии клитики.

Аналогичное объяснение получает и диалектный латиноамериканский материал испанского языка (54):

(54) чилийский испанский [Mann 2012: 28]

a. *Le iban a ofrecerle ayuda a la niña.*
 ей шли к предложить.ей помощь к DEF девочке
 ‘Они собирались предложить девочке помощь’.

b. *No lo puedo creerlo.*
 NEG это мочь.PRS.1SG верить.это
 ‘Я не могу поверить в это’.

c. *El barco se iba a hundirse.*
 DEF лодка REFL шла к затонуть.REFL
 ‘Лодка вот-вот должна была затонуть’.

Если следовать деривации этих порядков в [Stigliano, Pavlou 2018], удвоение клитик в (54а–с) вытекает из наличия в контексте вложенных предикатов двух потенциально доступных позиций для клитик (CIP, доминирующей над TP, которые одновременно существуют при матричном и вложенном предикатах). Соответственно, в обоих этих позициях представлены копии одной и той же клитики, и обе опционально могут произноситься.

Таким образом, мы видим, что обобщенная редупликация не является единственным механизмом появления удвоенных клитик. Клитики такого типа могут появляться в речи и в результате одновременного произнесения разных копий одной клитики при функционировании совсем другого механизма функционирования клитик (как второй позиции, так и прилагольных). Теоретически и этот альтернативный механизм применим к объяснению дистрибуции клитик в северных русских диалектах: в случаях типа $da_1=banku=da_2$ (40) da_1 представляло бы собой исходную копию союза-клитики, а da_2 — ее финальную копию. В случае *ры.жыки=da* мы бы имели дело с произнесением лишь финальной копии da (da_2), а исходная копия da_1 не произносилась бы. Выбрать, какой из этих двух альтернативных механизмов в реальности стоит за русским диалектным материалом, не представляется возможным в силу того, что в подавляющем большинстве случаев первая позиция для da обеспечивается синтаксической составляющей (конъюнктом, равным клаузе, именной или глагольной группам), а те редкие случаи, когда первой позицией для da служит лишь часть конъюнкта, все могут быть проанализированы и как просодическое слово, и как синтаксическая составляющая.

8.3. Редупликация как механизм реализации ограничения второй позиции

Если метатеза ($XY \rightarrow YX$, где X — клитика) очевидным образом укладывается в ряд постсинтаксических преобразований, которые вступают в действие для того, чтобы удовлетворить требование второй позиции и, таким образом, мотивирована (клитика X оказывается после ее применения в неначальной позиции), то основной вопрос, который возникает в связи с редулицированным вариантом постсинтаксического преобразования — это мотивировка этого варианта. Очевидным образом, классическому требованию второй позиции оно не удовлетворяет, так как при редуликации одна из фонетических реализаций клитики X остается в начальной позиции: $XY \rightarrow XYX$. В [Arregi, Nevins 2018: 627–628] выдвигается гипотеза, согласно которой хотя бы одна копия клитики/морфемы в неначальной позиции уже может удовлетворить морфосинтаксическим ограничениям клитик на запрет быть в начальной позиции⁴⁹. Это допущение хорошо объясняет материал, разбираемый в [Arregi, Nevins 2012; 2018], но оказывается неприменимым к прототипической второй позиции⁵⁰.

Фактически, необходимо признать, что она функционирует как механизм, помещающий клитики во вторую позицию, лишь в тех языках, в которых энклитики одновременно могут быть и проклитиками, — именно это и представлено как в баскском и романских языках, так и в северных русских диалектах.

Так, для сочинительного *да* в северных говорах русского языка редупликация не приводит ни к какому значимому постсинтаксическому изменению дистрибуции *да* по сравнению с его позицией в синтаксисе: если метатеза позволяет удовлетворить ограничение второй позиции энклитического *да*, то редупликация, по сути, оставляет одну из копий *да* ровно в той позиции, где она была порождена в синтаксисе.

Поскольку тот же эффект был бы достигнут и в синтаксисе просто проклитическим *да* в северных русских говорах, как показано в разделе 5, редупликация как механизм обеспечения второй позиции, по сути, избыточна. Наиболее вероятно, что она возникает просто как некая спорадическая реализация (с другими угловыми стрелками) регулярной метатезы. Этот вывод поддерживается крайней редкостью редуликации в реальном языковом материале.

Таким образом, редупликация как механизм реализации ограничения второй позиции очень ограничена — она фактически не блокируется лишь в тех типологически редких случаях, когда действуют одновременно два ограничения: (а) в деривации клитик задеятвован постсинтаксический механизм обобщенной редуликации (который по гипотезе должен запускаться в тех случаях, когда клитика после синтаксической деривации

⁴⁹ Также ими вводятся и еще несколько допущений, см. [Arregi, Nevins 2018: 658].

⁵⁰ Строго говоря, авторы вообще не используют понятие второй позиции в прототипическом виде. Для них ограничение второй позиции фактически действует исключительно в рамках клитического кластера, который, в свою очередь, формируется в результате ряда постсинтаксических преобразований, см. для региональных вариантов испанского:

- (i) стандартный вариант:

Siénte-n-se!
сидеть.IMP-PL-CL.REFL
'Садитесь!'

- (ii) а. метатеза

Siénte-se-n!
сидеть.IMP-CL.REFL-PL

- б. редупликация

Siénte-n-se-n!
сидеть.IMP-PL-CL.REFL-PL
'Садитесь!' [Arregi, Nevins 2018: 626].

оказывается в первой позиции) и при этом (б) клитики в конкретном языке являются как энклитиками, так и проклитиками (сочинительный союз *da* в северных русских говорах, клитики баскского языка и романских языков в понимании [Arregi, Nevins 2018], см. сноску 50). В остальных случаях (когда клитики — строго энклитики) она блокируется как нарушающая требование второй позиции. Именно это объясняет ее редкость в языках мира при реализации ограничения второй позиции в языках с энклитиками, которые одновременно не являются проклитиками. Эта формулировка существенно лучше описывает материал, чем обобщение [Ibid.], которое упускает из виду специфику функционирования прототипической второй позиции, не являющейся первой ни в каких контекстах.

Мы также увидели в предыдущем разделе, что удвоение клитик может быть результатом действия и другого синтаксического механизма, а именно формирования цепочки клитик и произнесения лишь одной из копий. Удвоенные клитики являются следствием одновременного произнесения двух копий одной клитики, которые возникли в процессе деривации. Таким образом, удвоенные клитики не связаны исключительно с наличием в деривации обобщенной редупликации.

Более того, с чисто описательной точки зрения само по себе наличие в языке клитик, которые могут в определенных конфигурациях находиться в начальной (или ненаачальной проклитической) позиции, также еще не предполагает обязательного действия механизма обобщенной редупликации и, следовательно, не соотносится с их (факультативным) удвоением. Так, клитики словенского языка являются одним из самых ярких примеров клитик, которые могут быть как во второй, так и в первой позиции [Franks, King 2000: 31–44, 226–229; Golden, Milojević Sheppard 2000; Marušić 2009], иначе говоря, которые могут быть и энклитиками, и проклитиками (и даже могут употребляться и без просодического хозяина). Наиболее вероятно, что деривация словенских клитик не включает постсинтаксический процесс обобщенной редупликации и описывается в соответствии с анализом в разделе 8.2. При этом данные об их удвоении отсутствуют в обширной литературе по словенским клитикам, хотя согласно анализу в разделе 8.2 их удвоение вполне ожидалось бы если не в литературном языке, то хотя бы в диалектах.

Таким образом, сама по себе способность клитики быть и энклитикой, и проклитикой еще совершенно не соотносится с наличием в ее деривации механизма обобщенной редупликации. Однако обратная корреляция представляется все же реальной: использование обобщенной редупликации в деривации напрямую соотносится со способностью клитики быть и энклитикой, и проклитикой. При этом в языках мира могут быть представлены и другие пути возникновения удвоенных клитик, в частности произнесение одновременно нескольких копий одной клитики при ее подъеме. Важно, что все они коррелируют с потенциальной возможностью клитики быть энклитикой и проклитикой.

9. *Da* и другие клитики в северных русских диалектах

Как справедливо отмечает анонимный рецензент, для того чтобы выдвинутая выше для *da* гипотеза работала, нам необходимо показать, что такое поведение (проклитика, энклитика, удвоенное употребление при одном из конъюнктов) работало и для других клитик.

Кратко рассмотрим релевантный материал, представленный в литературе по синтаксису данных идиомов. Двумя основными клитиками в северных диалектах являются еще один сочинительный союз *и*, а также частица *дак*, которой посвящено монографическое исследование [Post 2005].

В той же работе [Ibid.: 391] отмечается, что *дак* может употребляться и как энклитика, и как проклитика, однако не приводится примеров на удвоенное употребление, что в целом ожидаемо из типологических параллелей, в которых удвоенное употребление фиксируется опционально и довольно редко при обычных проклитическом и энклитическом.

Для союза *и* фиксируется то же распределение, что и для *да* — проклитическое (как в литературном языке) (55a), энклитическое при обоих конъюнктах, причем конъюнкты выражены как именными группами (55b), так и клаузами (55c), а также энклитическое при втором конъюнкте (55d)⁵¹. Наконец, представлено и удвоенное *и* при одном конъюнкте (55e):

(55) [Маховая 2022: 5–6]

- a. *Ру́ку-то сунет — и зевáть, и ора́ть.*
- b. *На о́городе фсе́ са́дят, лу́к **и**, чесно́к **и**.*
- c. *Я в Лахты́ была **и**, в Архангельске́ была **и**.*
- d. *Вот наро́т у нас у нас, говори́т, до́ма-то не ро́стит, а фсе́ сходи́т. Насобира́ют ско́ко на́до, загото́вит себе́ на зиму **и**.*
- e. *Соху вынес и ладит, **и** ладит **и** [Шапиро 1953: 235].*

Таким образом, наша гипотеза поддерживается даже тем незначительным материалом, который приводится в литературе: каждый клитический элемент в северных русских говорах демонстрирует одно и то же распределение, что позволяет распространить наш анализ, выдвинутый для *да*, на остальные диалектные клитики.

Заключение

Таким образом, материал вологодских говоров русского языка дает нам очень нетривиальные в типологическом плане данные по синтаксису и постсинтаксическим преобразованиям сочинительных структур в тех случаях, когда сочинительные союзы — клитики, несводимые к материалу литературного языка и представляющие значительный типологический и теоретический интерес. Так, в этих говорах в одной системе мы видим одновременно проклитические и энклитические употребления сочинительного союза *да*, а также одновременное функционирование двух областей клитизации для союза-клитики — (а) включающей только первый конъюнкт, спецификатор вершины-сочинительного союза и (б) включающей только комплемент вершины — сочинительного союза. Система подобного типа описывается в типологии сочинительных конструкций [Stassen 2000; Haspelmath 2007] как редкая. Первая область клитизации, к тому же, не учитывается в формальных моделях языка при деривации сочинительных структур.

Одновременно типологический ракурс рассмотрения позволяет нам понять тот фрагмент синтаксиса сочинительных конструкций, который до сих пор ставил исследователей, рассматривавших его в перспективе исключительно других русских говоров и литературного русского языка, в тупик. Мы предложили единый формальный механизм, который порождает все представленные в северных говорах типы дистрибуции *да* (проклитическое употребление *да* при втором конъюнкте, энклитическое употребление *да* как при первом, так и при втором конъюнкте, удвоенное употребление *да* при втором конъюнкте в качестве одновременно проклитики и энклитики) и, таким образом, впервые предложили объяснение всех этих явлений в рамках синтаксиса и постсинтаксического механизма обобщенной редупликации. Важно, что предложенное нами объяснение сложной дистрибуции *да* в сочинительных конструкциях является синхронным и само по себе не противоречит гипотезе о **происхождении** части этой дистрибуции под финно-угорским влиянием [Лейнонен 2000; Лейнонен, Лудыкова 2001; Leinonen 2002; Преображенская 2002: 121]. Оно, тем не менее, показывает единство с синхронной точкой зрения всех типов дистрибуции *да* и демонстрирует наличие систем, в которых такого рода дистрибуция не может объясняться контактными явлениями. Сами по себе оба эти обстоятельства ослабляют контактную гипотезу, так как демонстрируют ее необязательность.

⁵¹ Ряд примеров в [Маховая 2022: 6] ограничен лишь одним из конъюнктов, поэтому неясно, представляют ли они собой употребление *и* при первом конъюнкте.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	ERG — эргатив	NOM — номинатив
ABS — абсолютив	EXCP — экспликатив	PL — множественное число
ACC — аккузатив	F — женский род	PRF — перфектив
ALL — аллатив	GEN — генитив	PRS — настоящее время
CL — клитика	IMP — императив	PTCP — причастие
CPST — комплементаризатор прошедшего времени	IN — инессив	PV — преверб
DAT — датив	L — морфема L ⁵²	REFL — рефлексив
DEF — определенный артикль	M — мужской род	SG — единственное число
	NEG — отрицание	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Беляев 2022 — Беляев О. И. Осетинские сочинительные союзы в типологии полипредикации. Доклад на 19-й конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей, Санкт-Петербург, 26 ноября 2022 г. [Belyaev O. I. Ossetic conjunctions in the typology of complex sentences. Talk at the 19th Conference on Typology for Young Scholars, St. Petersburg, 26 November 2022.]
- Беляев, Хомченкова 2022 — Беляев О. И., Хомченкова И. А. Соединение именных групп в осетинском языке. *Рема. Rhema*, 2022, 4: 32–54. [Belyaev O. I., Khomchenkova I. A. Noun phrase conjunction in Ossetic. *Rhema*, 2022, 4: 32–54.]
- Гецова 1999 — Гецова О. Г. Да. *Архангельский областной словарь*. Вып. 10: *Готóвыш — Дéло*. Гецова О. Г. (ред.). М.: Наука, 1999, 168–178. [Getsova O. G. Da. *Arkhangelskii oblastnoi slovar'*. Iss. 10: *Gotovyush — Délo*. Getsova O. G. (ed.). Moscow: Nauka, 1999, 168–178.]
- Голубева 1991 — Голубева Н. Л. О частицах *вот, ну, да* в положении между высказываниями. *Современные русские говоры*. Азарх Ю. С. (ред.). М.: Наука, 1991, 126–134. [Golubeva N. L. On the particles *vot, nu, da* in the position between utterances. *Sovremennye russkie govory*. Azarkh Yu. S. (ed.). Moscow: Nauka, 1991, 126–134.]
- Зализняк 2008 — Зализняк А. А. *Древнерусские энклитики*. М.: Языки славянских культур, 2008. [Zalizn'ak A. A. *Drevnerusskie enklitiki* [Enclitics in Old Russian]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008.]
- Лейнонен 2000 — Лейнонен М. Параллели севернорусских *да / дак* на Европейском Севере. *Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы: Материалы междунар. науч. конф.* Савельева Э. А. (ред.). Сыктывкар: Коми научный центр Уральского отделения РАН, 2000, 471–474. [Leinonen M. The parallels to Northern Russian *da / dak* in the European North. *Korennyye etnosy Severa evropeiskoi chasti Rossii na poroge novogo tysyacheletiya: istoriya, sovremennost', perspektivy: Conf proc.* Savel'eva E. A. (ed.). Syktyvkar: Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2000, 471–474.]
- Лейнонен, Лудыкова 2001 — Лейнонен М., Лудыкова В. М. Конечное слово *да* в коми языке с ареально-типологической точки зрения. [Leinonen M., Ludykova V. M. The final word *da* in Komi in an areal and typological perspective. *Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja*, 2001, 89: 127–165.]
- Маховая 2022 — Маховая О. А. *И₁, И₂. Архангельский областной словарь*. Вып. 23: *И — Имянной*. Нefeldова Е. А. (ред.). М.: Наука, 2022, 5–7. [Makhovaya O. A. *I₁, I₂. Arkhangelskii oblastnoi slovar'*. Iss. 23: *I — Imyánnoi*. Nefedova E. A. (ed.). Moscow: Nauka, 2022, 5–7.]
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Russian National Corpus]. <https://ruscorpora.ru/>.
- Преображенская 2002 — Преображенская М. Н. О некоторых проблемах исследования синтаксиса диалектного русского языка. *Аванесовский сборник: к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова*. Пшеничникова Н. Н. (ред.). М.: Наука, 2002, 118–124. [Preobrazhenskaya M. N. On some issues in the study of Russian dialectal syntax. *Avanesovskii sbornik: On the 100th anniversary from the birthday of the Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR R. I. Avanesov*. Pshenichnova N. N. (ed.). Moscow: Nauka, 2002, 118–124.]
- Шапиро 1953 — Шапиро А. Б. *Очерки по синтаксису русских народных говоров: строение предложения*. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. [Shapiro A. B. *Ocherki po sintaksisu russkikh narodnykh govorov: stroenie predlozheniya* [Essays on the syntax of Russian dialects: Sentence structure]. Moscow: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1953.]

⁵² В системе [Arregi, Nevins 2012: 56, 286–287] морфема L является эпентической морфемой, которая вставляется постсинтаксически в определенных контекстах.

- Циммерлинг 2013 — Циммерлинг А. В. *Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте*. М.: Языки славянских культур, 2013. [Zimmerling A. V. *Sistemy porjadka slov slavyanski-kh yazykov v tipologicheskom aspekte* [Slavic word order systems in a cross-linguistic perspective]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2013.]
- Agbayani, Goldston 2010 — Agbayani B., Goldston Ch. Second-position is first-position. *Indogermanische Forschungen*, 2010, 115: 1–21.
- Anderson 2005 — Anderson S. *Aspects of the theory of clitics*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005.
- Aremu, Weisser 2024 — Aremu D., Weisser Ph. Prosodically determined coordinator placement in Yorùbá. *Glossa: a journal of general linguistics*, 2024, 9(1): 1–39.
- Arregi, Nevins 2012 — Arregi K., Nevins A. *Morphotactics: Basque auxiliaries and the structure of spell-out*. Dordrecht: Springer, 2012.
- Arregi, Nevins 2018 — Arregi K., Nevins A. Beware Occam's Syntactic Razor: Morphotactic analysis and Spanish mesoclitics. *Linguistic Inquiry*, 2018, 49(4): 625–683.
- Bailyn 2011 — Bailyn J. *The syntax of Russian*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011.
- Bošković 2001 — Bošković Ž. *On the nature of the syntax-phonology interface: Cliticization and related phenomena*. Amsterdam: Elsevier, 2001.
- Bruening 2021 — Bruening B. *Second position clitics: Syntax can see phonology*. Ms., 2021. <https://udel.edu/~bruening/Downloads/SecondPositionClitics1.pdf>.
- Büring 2013 — Büring D. Syntax, information structure, and prosody. *The Cambridge handbook of generative syntax*. den Dikken M. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013, 860–896.
- Dik 1997 — Dik S. C. *The Theory of Functional Grammar. Part 2: Complex and derived constructions*. Hengeveld K. (ed.). Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 1997.
- den Dikken 2006 — den Dikken M. *Either-float and the syntax of co-or-dination*. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2006, 24(3): 689–749.
- Embick, Noyer 2001 — Embick D., Noyer R. Movement operations after syntax. *Linguistic Inquiry*, 2001, 32(4): 555–595.
- Franks, King 2000 — Franks S., King T. H. *A handbook of Slavic clitics*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000.
- Golden, Milojević Sheppard 2000 — Golden M., Milojević Sheppard M. Slovene pronominal clitics. *Clitic phenomena in European languages*. Beukema F., den Dikken M. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2000, 191–207.
- Goldstein 2016 — Goldstein D. *Classical Greek syntax: Wackernagel's law in Herodotus*. Leiden: Brill, 2016.
- Goldstein, Haug 2016 — Goldstein D. M., Haug D. T. T. Second-position clitics and the syntax-prosody interface: The case of ancient Greek. *Proceedings of the Joint 2016 Conference on Head-Driven Phrase Structure Grammar and Lexical Functional Grammar*. Arnold D., Butt M., Crysmann B., King T. H., Müller S. (eds.). Stanford: CSLI Publications, 2016, 298–317.
- Hale 1987 — Hale M. *Studies in the comparative syntax of the oldest Indo-Iranian languages*. Ph.D. diss. Cambridge (MA): Harvard Univ., 1987.
- Hale 1996 — Hale M. Deriving Wackernagel's Law: Prosodic and syntactic factors determining clitic placement in the language of the Rigveda. *Approaching second: Second position clitics and related phenomena*. Halpern A. L., Zwicky A. M. (eds.). Stanford: CSLI Publications, 1996, 165–197.
- Hale 2007 — Hale M. *Historical linguistics: Theory and method*. Malden; Oxford: Blackwell Publishing, 2007.
- Hale 2017 — Hale M. Preliminaries to the investigation of clitic sequencing in Greek and Indo-Iranian. *On looking into words (and beyond): Structures, relations, analyses*. Bowerman C., Horn L., Zanuttini R. (eds.). Berlin: Language Science Press, 2017, 289–310.
- Halpern 1992 — Halpern A. *Topics in the placement and morphology of clitics*. PhD diss. Stanford: Stanford Univ., 1992.
- Halpern 1995 — Halpern A. *On the morphology and the placement of clitics*. Stanford: CSLI Publications, 1995.
- Harris, Halle 2005 — Harris J., Halle M. Unexpected plural inflections in Spanish: Reduplication and metathesis. *Linguistic Inquiry*, 2005, 36(2): 195–222.
- Haspelmath 2007 — Haspelmath M. Coordination. *Language Typology and syntactic description*. Vol. 2: *Complex constructions*. Shopen T. (ed.). 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007, 1–51.
- Johannessen 1998 — Johannessen J. B. *Coordination*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1998.
- Johannessen 2005 — Johannessen J. B. The syntax of correlative adverbs. *Lingua*, 2005, 115(4): 419–443.
- Kandybowicz 2006 — Kandybowicz J. Nupe coordinate structures: A syntactically heterogeneous class. *Proceedings of the 31st Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: Special session on languages of West Africa*. Cover R. T., Kim Y. (eds.). Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 2006, 53–64.
- Klavans 1995 — Klavans J. L. *On clitics and cliticization: The interaction of morphology, phonology, and syntax*. New York; London: Garland Publishing, 1995.
- Koizumi 1985 — Koizumi M. *Phrase structure in minimalist syntax*. PhD diss., MIT, 1985.

- Leinonen 2002 — Leinonen M. Morphosyntactic parallels in North Russian dialects and Finno-Ugric languages. *Scando-Slavica*, 2002, 48(1): 127–146.
- Kayne 1994 — Kayne R. S. *The antisymmetry of syntax*. Cambridge (MA): MIT Press, 1994.
- Lyutikova, Tatevosov 2009 — Lyutikova E., Tatevosov S. The clause internal left edge: Exploring the preverbal position in Ossetian. Talk at the *International Conference on Iranian Linguistics 3* (University of Paris III: Sorbonne Nouvelle, Paris, September 11–13, 2009).
- Mann 2012 — Mann D. Chilean clitic reduplication: Implications for morphology and syntax. *Studies in Applied Linguistics and TESOL*, 2012, 12(2): 17–37.
- Marantz 1988 — Marantz A. Clitics, morphological merger, and the mapping to phonological structure. *Theoretical morphology*. Hammond M., Noonan M. (eds.). Bingley: Emerald, 1988, 253–270.
- Marušič 2008 — Marušič F. Slovenian clitics have no unique syntactic position. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 16: The Stony Brook Meeting 2007*. Antonenko A., Bailyn J. F., Bethin Ch. Y. (eds.). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2008, 266–281.
- Marušič 2009 — Marušič F. *Positioning Slovenian clitics*. Ms., 2009. https://www2.ung.si/~fmarusic/pub/marusic_2009_clitics_SLS_3_11.pdf.
- Marušič, Žaucer 2021 — Marušič F., Žaucer R. *An argument against syntactic positioning of Slovenian 2nd position clitics*. Ms., 2021. https://www2.ung.si/~fmarusic/pub/marusic&zaucer_2010_clitics_third_position.pdf.
- Moltmann 1992 — Moltmann F. *Coordination and comparatives*. PhD diss. Cambridge (MA): Massachusetts Institute of Technology, 1992.
- Munn 1993 — Munn A. *Topics in the syntax and semantics of coordinate structures*. PhD diss. College Park: Univ. of Maryland, 1993.
- Neeleman et al. 2023 — Neeleman A., Philip J., Tanaka M., van de Koot H. Subordination and binary branching. *Syntax*, 2023, 26(1): 41–84.
- Pancheva 2005 — Pancheva R. The rise and fall of second position clitics. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2005, 23(1): 103–167.
- Post 2005 — Post M. *The Northern Russian pragmatic particle dak in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula): An information structuring device in informal spontaneous speech*. Doctoral diss. Tromsø: Univ. of Tromsø, 2005.
- Post 2014 — Post M. Connectives, subordination and information structure: Comments on Trubinskij's observations on the “-to ... dak” model in the Pinega dialects. *Contemporary approaches to dialectology: The area of North, Northwest Russian and Belarusian dialects*. Seržant I. A., Wiemer B. (eds.). Bergen: Univ. of Bergen, 2014, 245–269.
- Refsing 1986 — Refsing K. *The Ainu language: The morphology and syntax of the Shizunai dialect*. Aarhus: Aarhus Univ. Press, 1986.
- Selkirk 2011 — Selkirk E. The syntax-phonology interface. *The handbook of phonological theory*. Goldsmith J., Riggle J., Yu A. C. L. (eds.). Oxford: Blackwell, 2011, 435–484.
- Shibatani 1990 — Shibatani M. *The languages of Japan*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.
- Spencer, Luis 2012 — Spencer A., Luis A. R. *Clitics: An introduction*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012.
- Stassen 2000 — Stassen L. AND-languages and WITH-languages. *Linguistic Typology*, 2000, 4(1): 1–54.
- Stigliano, Pavlou 2018 — Stigliano L., Pavlou N. Clitic duplication in non-standard varieties of Spanish. Talk at the 21st Annual Ohio State Univ. Congress on Hispanic and Lusophone Linguistics (the Ohio State Univ., March 30–31, 2018).
- te Velde 2000 — te Velde J. Assumptions about the structure of coordination. *Ellipsis in coordination*. Schwabe K., Zhang N. (eds.). Berlin; Boston: Max Niemeyer Verlag, 2000, 51–78.
- Vermeulen 2008 — Vermeulen R. Nonconstituent coordination in Japanese: A case of phonological reordering. *Linguistic Inquiry*, 2008, 39(2): 345–354.
- Weisser 2020 — Weisser Ph. How Germans move their ‘but’s’: A case of prosodic inversion across phrases. *NELS 50: Proceedings of the 50th Annual Meeting of the North East Linguistic Society*. Vol. 1. Asatryan M., Song Y., Whitmal A. (eds.). Amherst: Univ. of Massachusetts, 2020, 231–244.
- Weisser 2022 — Weisser Ph. *A prosodically determined second-position clitic in German: The case of the clause-internal conjunction ‘aber’*. Ms., 2022. <https://ling.auf.net/lingbuzz/006782>.
- Weisser 2024 — Weisser Ph. *A typology of shifting coordinators and what they can tell us about clitics and their formal modelling*. Habilitation thesis. Leipzig, 2024. <https://ling.auf.net/lingbuzz/008434>.
- Zhang 2010 — Zhang N. N. *Coordination in syntax*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.
- Zimmerling, Kosta 2013 — Zimmerling A., Kosta P. Slavic clitics: a typology. *STUF—Language Typology and Universals*, 2013, 66(2): 178–214.
- Zoerner 1995 — Zoerner C. E. *Coordination: The syntax of &P*. Doctoral diss. Irvine: Univ. of California, 1995.